

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХІІІ.

1897.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.
1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	33
А. А. Шахматовъ. Древнѣйшія редакціи повѣсти временныхъ лѣтъ	209
С. Ф. Платоновъ. Въ исторіи опричнины XVI вѣка	260
И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія преимущественно во время имперіи	277

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Ф. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпуски XXI и XXII. Тифлисъ. 1896—1897	325
И. С. Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія. Изданіе подъ редакціей П. А. Сырку. С.-Пб. 1896	348
С. П. Браиловскій. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія <i>Александра Прозоровскаго</i>	374
Е. О. Карскій. 1) Бѣлорусскіе свадебные обряды и пѣсни сравнительно съ великорусскими. Составилъ А. З—въ. С.-Пб. 1897 2) Простонародныя примѣты и повѣрья. Суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собралъ въ Витебской Бѣлоруссіи П. Я. Никифоровскій. Витебскъ. 1897.	387
Н. Ш. Некрасовъ. В. Шимановскій. Сборникъ Святослава 1076 г. Изданіе второе Варшава. 1895	393
В. В. Качановскій. The anglorussian literary society. 1893—1897. London	419
— Книжныя новости	420
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	23

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Объ попытаніяхъ зрѣлости въ 1896 году	27
А. Ф. Бычковъ. Ф. И. Вуолаевъ (<i>некроль</i>)	

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

С. А. Жебелевъ. Аены въ концѣ III вѣка до Р. Хр.	1
В. Л. Изъ стихотвореній Мосха Опракувскаго	38
А. О. Поспшиль. О системѣ формъ латинскаго глагола (<i>продолженіе</i>)	44

ОВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.
(Вышла 1-го октября).

ДРЕВНѢЙШІЯ РЕДАКЦІИ ПОВѢСТИ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЬ.

Въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ хронологіей нашихъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, было указано, что уже въ началѣ XII вѣка были извѣстны двѣ редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ. Первая редакція содержала разказъ о событіяхъ до 1110 года и сохранилась въ спискахъ, восходящихъ къ оригиналу, написанному въ 1116 году игуменомъ Михайловскаго монастыря Сильвестромъ. Вторая редакція доводила лѣтописный разказъ до 1117 г., при чемъ въ основаніи ея лежитъ первая редакція, значительно измѣненная и дополненная. Въ настоящемъ изслѣдованіи я предполагаю развить эти оба положенія и привести тѣ основанія, которыя навели меня на мысль о существованіи второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, составленной въ 1117 году. Въ виду того, что въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей* за настоящій 1897 годъ уже отпечатано изслѣдованіе о лѣтописномъ сводѣ XI вѣка, предшествовавшемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, а потому названномъ мною Начальнымъ сводомъ, я предполагаю доказаннымъ, что въ древнѣйшей части (до 1074 г.) Новгородской 1-ой лѣтописи второй редакціи (въ списки этой лѣтописи, кромѣ синодальнаго) сохранился тотъ первоначальный лѣтописный сводъ, на которомъ основана Повѣсть временныхъ лѣтъ. Не возвращаясь поэтому въ настоящемъ изслѣдованіи къ доказательствамъ этого положенія, ограничиваюсь ссылкой на названную статью. Къ сожалѣнію, во время работы надъ 1-ой Новгородской лѣтописью, я не былъ знакомъ съ трудомъ г. Филевича „Исторія древней Руси“. Пятая глава этой книги представляетъ замѣчательное изслѣдованіе о нашей древней лѣтописи. Съ большею частью положеній г. Филевича, а въ особенности съ тѣмъ, что онъ говоритъ

о составѣ Никоновской лѣтописи, я не могу согласиться. Но на страницѣ 367 высказана мысль о томъ, что въ спискѣ Новгородской лѣтописи, принадлежащемъ Археографической комиссіи, сохранилось сокращеніе древнѣйшаго нашего лѣтописнаго свода, болѣе древняго, чѣмъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Въ этомъ положеніи г. Филевича я вижу подтвержденіе мысли о томъ, что въ Комиссіонномъ и другихъ спискахъ Новгородской 1-ой лѣтописи сохранился, но не въ сокращеніи, а въ довольно полномъ видѣ, Начальный сводъ—ядро нашего дальнѣйшаго лѣтописанія. Такимъ образомъ г. Филевичъ первый въ нашей литературѣ обратилъ вниманіе на важное значеніе лѣтописи по списку Археографической комиссіи и указалъ на принадлежащее ей мѣсто среди другихъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ. Ему же принадлежитъ первое указаніе на тѣсную связь Никоновской лѣтописи и новгородскаго сокращенія „великаго лѣтописанія“, какъ выражается г. Филевичъ о началѣ Новгородской 1-ой лѣтописи. Въ настоящемъ изслѣдованіи мнѣ придется остановиться на этой связи: выводы мои окажутся совершенно противоположными выводамъ г. Филевича; но это обстоятельство дѣластъ для меня особенно цѣннымъ то положеніе, на которомъ я сошелся съ талантливымъ профессоромъ, а именно, что Повѣсти временныхъ лѣтъ — это сводъ позднѣйшій, сравнительно съ лѣтописью, сохранившееся въ началѣ второй редакціи Новгородской 1-ой лѣтописи.

Среди редакцій Повѣсти временныхъ лѣтъ, по рѣзкому между ними отличію, выдвигаются въ особенности слѣдующія двѣ группы лѣтописныхъ сводовъ. Въ одной группѣ видимъ полный текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, доведенный до перваго десятилѣтія XII вѣка и потомъ продолженный лѣтописью южнорусскихъ и суздальскихъ событій; таковы Лаврентьевскій, Ипатьевскій и сходные съ ними списки. Въ другой группѣ находимъ полный текстъ только до 1074 г., послѣ котораго идетъ сокращеніе, обнимающее не одну лишь вторую часть Повѣсти временныхъ лѣтъ (1075—1117), но также и послѣдующій лѣтописный разказъ о южнорусскихъ, суздальскихъ и новгородскихъ событіяхъ; въ самомъ текстѣ Повѣсти замѣчаются извѣстія новгородскаго происхожденія; сюда относятся списки Софійской, Софійской 1-ой, Новгородской 4-ой, Тверской и другихъ лѣтописей. Помимо указанныхъ внѣшнихъ признаковъ, видимъ рядъ внутреннихъ отличій между текстомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ обѣихъ указанныхъ группъ. Такъ, въ спискахъ первой группы мы находимъ хронологическую выкладку подъ 852 годомъ, въ спискахъ второй группы

подъ 852 и 887 годами; въ спискахъ первой группы разказы о Любецкой битвѣ 1016 г., о Лиственской битвѣ 1024 г., о походѣ Игоря 941 г., о походѣ Владимира Ярославича 1043 г., о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба 1072 г. и другіе являются сокращенными. сравнительно съ тѣми же разказами списковъ второй группы; въ послѣднихъ спискахъ находимъ рядъ извѣстій, отсутствующихъ въ первыхъ, напримѣръ, подъ 862, 913, 914. 921, 1043, 1054 и другими годами. Указанныя особенности даютъ намъ основаніе раздѣлить всѣ извѣстные списки Повѣсти временныхъ лѣтъ на двѣ главныя семьи, на двѣ редакціи. Ближайшею задачею изслѣдователя является рѣшеніе вопроса, какъ явились особенности второй редакціи: восходятъ ли онѣ дѣйствительно къ древнему оригиналу Повѣсти временныхъ лѣтъ или возникли лишь позже, вслѣдствіе соединенія съ другими памятниками, новыми лѣтописными источниками. Вслѣдствіе этого въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія я рѣшилъ остановиться на вопросѣ, какъ возникла редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ, читаемая въ перечисленныхъ выше и другихъ имъ подобныхъ спискахъ второй группы. Вторая глава будетъ посвящена разсмотрѣнію суздальскихъ лѣтописныхъ сводовъ XIII вѣка и изслѣдованію древнихъ списковъ первой и второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ. Въ третьей главѣ я изложу свои соображенія о времени составленія 1-ой и 2-ой редакцій Повѣсти временныхъ лѣтъ и укажу на главныя между ними отличія.

I.

Нахожу возможнымъ теперь же называть ту редакцію Повѣсти временныхъ лѣтъ, которую находимъ въ спискахъ Софейской, Софійской 1-ой и другихъ лѣтописей, 2-ою редакціею Повѣсти временныхъ лѣтъ. Редакція эта не сохранилась до насъ въ первоначальномъ видѣ, такъ какъ въ названныхъ спискахъ она является значительно измѣненной и сокращенною подъ вліяніемъ соединенія съ Новгородскою 1-ою лѣтописью. Задача изслѣдователя состоитъ: 1) въ возстановленіи того первоначальнаго свода, къ которому возводятся списки Софейской, Новгородской 4-ой и другихъ имъ подобныхъ списковъ, 2) въ изслѣдованіи состава этого первоначальнаго свода и въ отдѣленіи того, что въ этомъ сводѣ восходитъ къ Новгородской 1-ой лѣтописи, отъ того, что заимствовано сводчикомъ изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ 2-ой редакціи. Отсюда ясно, что подъ 2-ою редакціею

Повѣсти временныхъ лѣтъ я понимаю не ту, дошедшую до насъ редакцію, которую мы читаемъ въ спискахъ Новгородской 4-ой, Софійской 1-ой и другихъ лѣтописей, а ту древнюю редакцію, на основаніи которой составленъ сводъ, отразившійся въ названныхъ и другихъ имъ подобныхъ спискахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что не только списки Софійской 1-ой, Софейской, Новгородской 4-ой, но также списки Тверской и Воскресенской лѣтописей восходятъ къ одному общему оригиналу—одни изъ нихъ непосредственно, а другіе черезъ посредство особыхъ недошедшихъ до насъ списковъ. Но было бы большою ошибкою предполагать, что въ первоначальномъ оригиналѣ пахотились всѣ тѣ извѣстія, тѣ разказы, наконецъ тотъ самый текстъ этихъ разказовъ, которые мы теперь находимъ въ названныхъ спискахъ. Не только Тверская и Воскресенская, но также списки Софійской 1-ой лѣтописи подвергались вліянію различныхъ списковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: вліяніе это вызвало исправленіе, распространеніе, сокращеніе цѣлаго ряда мѣстъ съ первоначальномъ текстъ *Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ*, какъ мы условно назовемъ первоначальный оригиналъ, къ которому возводятся изслѣдуемая здѣсь лѣтописи. Такъ, напримѣръ, сопоставленіе Софійскихъ списковъ съ списками Софейской и Новгородской 4-ой лѣтописей дѣлаетъ вѣроятнымъ, что въ Новгородскомъ изводѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 882 годомъ говорилось о дани съ Новгорода въ 300 гривенъ, шедшей варягамъ мира дѣля: „еже не дають“. Эти слова въ Тверской, Воскресенской, а также въ списокѣ Софійской 1-ой лѣтописи Царскаго замѣнены словами: „еже и даваше варягомъ и до смерти Ярославля“, очевидно, подъ вліяніемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ по одному изъ списковъ, сходныхъ съ тѣми, которые находимъ въ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ сводахъ. Слова „еже не дають“ попали въ Новгородскій изводъ Повѣсти временныхъ лѣтъ изъ Новгородской 1-ой лѣтописи. Въ виду этого возстановить Новгородскій изводъ въ первоначальномъ его видѣ—задача не легкая: она требуетъ знакомства съ исторіею каждаго изъ списковъ, подлежащихъ изслѣдованію. Въ настоящее время врядъ ли поэтому возможно возстановить названный изводъ въ цѣломъ его составѣ и во всѣхъ его подробностяхъ. Но и теперь не представляется особенно сложною и неисполнимою другая задача—возстановить Новгородскій изводъ въ общихъ чертахъ его, въ главныхъ его особенностяхъ.

Назвавъ изслѣдуемый изводъ Новгородскимъ, мы не хотимъ непре-

мѣнно утверждать, что онъ возникъ именно въ Новгородѣ, а указываемъ только этимъ названіемъ, что существенную часть этого извода составляютъ заимствованія изъ Новгородской лѣтописи. Что касается времени составленія Новгородскаго извода, то съ увѣренностью можно сказать, что онъ составленъ не позже 1362 года, такъ какъ списокъ великихъ князей, помѣщенный вслѣдъ за хронологическою выкладкой 887 года, въ Новгородской 4-ой лѣтописи оканчивается Иваномъ Ивановичемъ. Полагаю, что мы имѣемъ основаніе думать, что первоначально лѣтописный разказъ Новгородскаго извода доходилъ лишь до середины XIII столѣтія, оканчиваясь повѣстью о нашествіи татаръ, а также, вѣроятно, и другими повѣстями историческаго содержания. Не подлежитъ именно сомнѣнію, что часть отъ 1205 до 1238 года включительно заимствована Академическимъ спискомъ Суздальской лѣтописи не изъ Новгородской 1-ой лѣтописи, а изъ того сокращенія этой лѣтописи, которое содержится въ спискахъ Софійской 1-ой лѣтописи; то обстоятельство, что этотъ списокъ Суздальской лѣтописи или вѣрнѣе протографъ его, оканчивавшійся нѣкогда 1204 годомъ (а это ясно изъ сравненія Лаврентьевскаго, Радзивиловскаго, Переяславскаго и другихъ списковъ), могъ быть продолженъ по Софійской лѣтописи только до 1238 года, является указаніемъ на то, что въ распоряженіи лица, дополнявшаго Академическій списокъ, находился такой экземпляръ Софійской лѣтописи, въ которомъ погодный разказъ доходилъ лишь до середины XIII столѣтія. Слѣдовательно, мы имѣемъ основаніе думать, что Софійская лѣтопись, или вѣрнѣе ея оригиналъ—Новгородскій изводъ Повѣсти временныхъ лѣтъ — составленъ въ срединѣ XIII столѣтія. Такое предположеніе подтверждается между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣднимъ событіемъ, упомянутымъ въ хронологической выкладкѣ 887 года, является Калковская битва 1224 года.

Изученіе позднѣйшихъ списковъ Новгородскаго извода не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ составленъ, почти исключительно, на основаніи двухъ источниковъ: Новгородской 1-ой лѣтописи и особой (названной нами второй) редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ съ слѣдовавшимъ за нею лѣтописнымъ сводомъ суздальскаго происхожденія; дѣйствительно, напримѣръ, въ древнѣйшей части (до 1117 г.) списковъ Софійской 1-ой и другихъ лѣтописей нѣтъ ни одного извѣстія, которое не могло бы быть отнесено къ одному изъ этихъ двухъ источниковъ. Существенно важнымъ является вопросъ, который изъ двухъ источниковъ былъ для составителя Новгородскаго

извода *основнымъ*. Имѣя въ виду, что до 1074 года Новгородскій изводъ представляетъ полный текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, напротивъ, начиная съ 1074 года,—сокращеніе его, мы должны поставить это, во всякомъ случаѣ не случайное, обстоятельство, въ связь съ тѣмъ, что Новгородская 1-ая лѣтопись въ древнѣйшей части (854—1117) представляетъ двѣ неравныя между собою ни по достоинству, ни по объему половины. Въ первой половинѣ — до 1074 года видимъ соединеніе новгородскихъ извѣстій съ обширными разказами и цѣльными статьями не новгородской лѣтописи, названной нами Начальнымъ сводомъ, во второй половинѣ (начиная съ 1075 года) находимъ соединеніе новгородскихъ извѣстій съ краткими, отрывочными, отчасти даже искаженными извѣстіями, заимствованными (еще первымъ редакторомъ) изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на вопросѣ, чѣмъ обусловлена такая неравномѣрность, чѣмъ вызвано такое несходство обѣихъ частей Новгородской 1-ой лѣтописи въ предѣлахъ 854—1117 гг. Для насъ важно указать, что своеобразное расположеніе матеріала, замѣчаемое въ Новгородской 1-ой лѣтописи, отразилось и на Новгородскомъ изводѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ XIII вѣка: тутъ мы видимъ тѣ же неравныя одна другой части въ предѣлахъ до 1117 года; первая доходитъ до 1074 года, оканчиваясь при этомъ тѣми же словами, какъ Новгородская 1-ая лѣтопись („и общася пещися монастыремъ“, срав. Софійскую, Софійская 1-ую, Новгородскую 4-ую, почти также въ Тверской), и представляетъ полный, несокращенный текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, а вторая отъ 1075 до 1117 года, кромѣ событій 1097 года, ведетъ сокращенный, а мѣстами совершенно отрывочный разказъ, восходящій ко 2-ой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ. Уже отсюда мы въ правѣ заключить, что *основнымъ* источникомъ Новгородскаго извода была не Повѣсть временныхъ лѣтъ, а Новгородская 1-ая лѣтопись. Она легла въ основаніе задуманнаго свода; въ предѣлахъ до 1117 года она даже цѣликомъ вошла въ новый сводъ: между тѣмъ изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ заимствовались лишь недостающія части лѣтописнаго разказа; Повѣсть временныхъ лѣтъ была не основнымъ, а только дополнительнымъ источникомъ; вотъ почему и въ части 1075—1117 Повѣсть временныхъ лѣтъ отразилась въ Новгородскомъ изводѣ не въ полномъ, а лишь въ сокращенномъ и отрывочномъ видѣ: таково ужъ было отношеніе сводчика къ своему второму *дополнительному* источнику. Указанное здѣсь отношеніе составителя Новгородскаго извода къ обомъ его источникамъ объясняетъ

намъ весьма многое въ текстѣ этого извода, насколько онъ отразился въ различныхъ спискахъ, нами неоднократно перечисленныхъ. Въ Новгородской 1-ой лѣтописи (согласно Начальному своду) въ разказѣ о призваніи князей говорится, что Рюрикъ, прибывъ къ ильменскимъ славянамъ, сѣлъ въ Новгородѣ; во 2-ой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ это можно заключать изъ списковъ, близко стоящихъ къ этой редакціи (сравните продолженіе въ нихъ лѣтописнаго разказа не до 1110, а до 1117 г.), говорилось, что Рюрикъ сѣлъ сначала въ Ладогѣ, а уже потомъ выстроилъ Новгородъ (см. Ипатьевскую и сходныя, Переяславскую); въ Новгородскомъ изводѣ видимъ первый разказъ, то-есть, разказъ основнаго источника. Въ Новгородской 1-ой лѣтописи Кіевъ захватываетъ не Олегъ, а Игорь: поэтому изъ „лодей“ выскакиваютъ спрятанные въ нихъ вои „Игоревы“ и убиваютъ Аскольда и Дира: въ Повѣсти временныхъ лѣтъ дѣйствующимъ княземъ является не Игорь, а Олегъ; поэтому выскочившіе изъ лодокъ воины не названы Игоревыми; въ Новгородскомъ изводѣ дѣйствующимъ княземъ видимъ, согласно Повѣсти временныхъ лѣтъ, Олега, но фраза основнаго источника „и выскакавшие изъ лодей вои Игоревы“ сохранена такъ же, какъ и другія подробности, напримѣръ, о томъ, что князь сказанъ „Подугорскимъ“ гостемъ. Въ Новгородской 1-ой лѣтописи греческій царь, при которомъ крестилась Ольга, названъ Чемьскимъ; во 2-ой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ можно судить на основаніи Ипатьевского, Переяславскаго и др. списковъ, царь былъ названъ Константиномъ Леоновымъ сыномъ; въ Новгородскомъ изводѣ находимъ Ивана Чемьскаго, очевидно, согласно не съ дополнительнымъ, а съ основнымъ источникомъ. Подъ 1071 годомъ въ Новгородской 1-ой лѣтописи епископъ новгородскій названъ Фодоромъ; въ Повѣсти временныхъ лѣтъ нѣтъ имени новгородскаго епископа; Новгородскій изводъ имѣетъ епископа Фодора. Подъ 1074 годомъ въ Новгородской 1-ой лѣтописи вмѣсто словъ „бѣ бо Яковъ пришелъ съ *Летци*“ (какъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ) читаемъ *издалеча*; тоже находимъ въ Новгородскомъ изводѣ (ср. Софійскую, Софійскую 1-ую, Новгородскую 4-ую, даже Тверскую и Воскресенскую); тамъ же, согласно Новгородской 1-ой лѣтописи, нѣтъ словъ „кромя двою брату Николю и Игната, въ прочихъ кого хочете“, которыя находимъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ (Лаврентьевская, Ипатьевская). Число примѣровъ, ясно показывающихъ, что основнымъ источникомъ Новгородскаго извода была Новгородская 1-ая лѣтопись, а не Повѣсть временныхъ лѣтъ, можетъ быть значительно увеличено. Мы можемъ даже выставить, какъ общее положеніе, что статья, об-

щія по содержанію между Новгородскою 1-ою лѣтописью и 2-ою редакціею Повѣсти временныхъ лѣтъ, попали въ Новгородскій изводъ въ редакція ея основного источника, то-есть, Новгородской 1-ой лѣтописи. Нельзя не замѣтить, что такой выводъ можетъ показаться поспѣшнымъ для всякаго, кто пожелаетъ повѣрить его простымъ сопоставленіемъ текста, напримѣръ, Софійской лѣтописи съ Повѣстью временныхъ лѣтъ съ одной стороны, съ Новгородскою 1-ою лѣтописью съ другой. Такое сопоставленіе ясно покажетъ, что текстъ Софійской лѣтописи въ статьяхъ, общихъ обоимъ источникамъ Новгородскаго извода значительно ближе къ Повѣсти временныхъ лѣтъ, чѣмъ къ Новгородской 1-ой лѣтописи. Такъ, напримѣръ, въ разказѣ 955 г. о крещеніи Ольги въ Софійской лѣтописи, такъ же какъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ (Лаврентьевской, Инатѣевской), не находимъ фразы, читаемой въ Новгородской 1-ой лѣтописи: „они же повѣдаша царю приходъ ея; і абіе царь возва ю к собѣ; она же иде къ нему ничто же медляци“. Въстѣ словъ: „аще ты сице глаголеши отъ Чемыскаго царя рци ему“. въ Софійской лѣтописи, согласно Повѣсти временныхъ лѣтъ, читаемъ: „аще ты, рци“. Подъ 986 годомъ въ разказѣ философа находимъ въ Новгородской 1-ой лѣтописи: „а преже имя ему (то-есть, Моисею) бѣ Немелхія“: этихъ словъ нѣтъ ни въ Софійской лѣтописи, ни въ Повѣсти временныхъ лѣтъ (Лаврентьевской, Ипатѣевской). Въ виду такихъ и подобныхъ имъ случаевъ, предыдущее наше заключеніе можетъ показаться невѣрнымъ: но вѣроятнымъ представляется, что подобныя измѣненія въ текстѣ Софійской 1-ой, Новгородской 4-ой и другихъ лѣтописей произошли лишь впоследствии, явились результатомъ сличенія съ другими списками Повѣсти временныхъ лѣтъ. Замѣчу, что въ приведенныхъ выше трехъ случаяхъ особенное отъ Софійской лѣтописи чтеніе мы находимъ только въ Комиссіонномъ списокѣ, между тѣмъ какъ Академическій и Толстовскій списки Новгородской 1-ой лѣтописи содержатъ чтенія согласныя съ Софійскою лѣтописью; я заключаю отсюда, что вліяніе другихъ списковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ отразилось на текстѣ не только Софійской лѣтописи, но даже нѣкоторыхъ списковъ Новгородской 1-ой лѣтописи, при чемъ весьма возможно, что указанныя особенности попали въ Софійскую лѣтопись изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ не непосредственно, а путемъ заимствованія изъ одного изъ списковъ Новгородской 1-ой лѣтописи, исправленныхъ (подобно Толстовскому и Академическому) на основаніи Повѣсти временныхъ лѣтъ. Слѣдуетъ замѣтить, что связь, установленная составителями Новгородскаго извода между этимъ его сводомъ

и Новгородскою лѣтописью, поддерживалась и продолжателями Новгородскаго извода, которые дополняли его, между прочимъ, на основаніи новыхъ, являвшихся послѣдовательно одна за другою редакцій Новгородской 1-ой лѣтописи. Вотъ почему и въ лѣтописномъ разказѣ XIV и XV вѣковъ Софійской 1-ой лѣтописи мы найдемъ заимствованія изъ Новгородской 1-ой лѣтописи второй редакціи.

Итакъ мы имѣемъ теперь положительныя данныя, на основаніи которыхъ можемъ утверждать, что Новгородскій изводъ XIII вѣка по дошедшимъ до насъ и только что перечисленнымъ спискамъ этого извода не можетъ быть возстановленъ въ первоначальномъ своемъ видѣ и что отличіе древней редакціи Новгородскаго извода отъ редакцій позднѣйшихъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что текстъ этихъ послѣднихъ измѣненъ на основаніи сличенія посредственнаго ихъ и непосредственнаго съ другими списками Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Вотъ почему въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей, основанныхъ на Новгородскомъ изводѣ, мы можемъ найти особенности, связывающія ихъ съ Новгородскою 1-ою лѣтописью тѣснѣе, чѣмъ другіе списки однородныхъ по составу лѣтописей. Такъ напримѣръ въ Синодальномъ списокѣ № 280 *Новгородской 4-ой* лѣтописи подъ 921 г. повторяется извѣстіе Новгородской 1-ой лѣтописи, находящееся также въ Воскресенской и Софійской 1-ой лѣтописяхъ: „Игорь пристройи воя многи и корабли бесчислении“; въ Новгородской 1-ой лѣтописи читаемъ подъ тѣмъ же годомъ: „Игорь и Олегъ пристройста воя многы... и корабли многы бещислении“ (въ Повѣсти временныхъ лѣтъ этого извѣстія нѣтъ). *Игорь* въ Воскресенской, Софійской 1-й и указанномъ списокѣ Новгородской 4-ой лѣтописи замѣнилъ *Игоря и Олега* Новгородскаго извода, конечно, потому, что смерть Олега помѣщена во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ, согласно Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 912 годомъ. Что въ Новгородскомъ изводѣ сохранено было приведенное извѣстіе Новгородской 1-ой лѣтописи безъ измѣненія, видно изъ Тверской лѣтописи, гдѣ подъ 911 годомъ читаемъ: „Игорь и Олга пристройи воя многи“, а также изъ списка *Новгородской 4-й* лѣтописи Синодальной бібліотеки № 152, гдѣ извѣстіе „Игорь и Олегъ пристройста воя многы бещислении“ читается подъ 906 годомъ. Очевидно, что указанный списокъ Новгородской 4-ой лѣтописи и Тверская лѣтопись сохранили такую черту одного изъ своихъ первоисточниковъ, которая уже стерлась въ другихъ. Подъ 918 г. въ Тверской лѣтописи находимъ: „и поча княжити Игорь по Олзѣ съ *Кіевю*“; послѣднихъ словъ нѣтъ въ другихъ

лѣтописяхъ, но они тѣсно связываютъ Тверскую лѣтопись съ Новгородскою 1-ю, гдѣ читаемъ: „Игорь же сѣдѣше в *Киевѣ* княжа“. Въ Софійской 1-ой и Воскресенской лѣтописяхъ подъ 914 годомъ встрѣчается фраза, заимствованная изъ Новгородской 1-ой лѣтописи: „и премучи Углецы и возложи на нихъ Игорь дань“; этихъ словъ уже нѣтъ въ Софійской и Тверской лѣтописяхъ. Въ списокъ Софійской лѣтописи по списку Ундольскаго № 754 открываемъ рядъ мѣстъ, сближающихъ этотъ списокъ съ Новгородскою 1-ю лѣтописью. Такъ подъ 964 г.: „изрѣзавъ конину или зверину или *зрядину*“, какъ въ Новгородской 1-ой, между тѣмъ во всѣхъ другихъ спискахъ *ювядину*; подъ 966, какъ въ Новгородской 1-ой: „и дань на нихъ *возложи*“: Софійская 1-ая, Тверская, Воскресенская *положи*; подъ 965: слова *прииде к киеву*, которыхъ нѣтъ въ другихъ спискахъ, читаются въ Новгородской 1-ой лѣтописи; подъ 968, какъ въ Новгородской 1-ой, нѣтъ извѣстия: „царствова Василей и Костянтинъ въ Царьградѣ“, которое мы читаемъ подъ этимъ годомъ въ Софійской, Софійской 1-ой, Воскресенской и др. Подъ 991 въ Воскресенской, Софійской 1-й и Софійской, согласно Новгородской 1-ой, говорится: „Настасу *іерею* Корсунянину“, въ Тверской, согласно Повѣсти временныхъ лѣтъ, нѣтъ *іерею*.

Предыдущее изслѣдованіе приводитъ насъ къ предположенію, что первоначальная редакція Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ была ближе къ Новгородской 1-ой лѣтописи, чѣмъ сохранившіеся до насъ списки этого извода; извѣстные намъ списки — всѣ успѣли испытать на себѣ вліяніе Повѣсти временныхъ лѣтъ другихъ изводовъ и притомъ, конечно, не только въ частяхъ, заимствованныхъ изъ Новгородской 1-й лѣтописи, но также и въ тѣхъ частяхъ, которыя восходятъ ко второму источнику Новгородскаго извода—къ Повѣсти временныхъ лѣтъ 2-ой редакціи. Въ виду этого мы можемъ допустить существованіе такихъ древнихъ списковъ Новгородскаго извода, которые отличались бы отъ дошедшихъ до насъ и выше разсмотрѣнныхъ списковъ: 1) близостью къ Новгородской 1-ой лѣтописи въ однѣхъ частяхъ, 2) несходствомъ съ Повѣстью временныхъ лѣтъ, рядомъ отличій отъ нея—въ другихъ.

И думаю, что именно такого рода списокъ послужилъ однимъ изъ источниковъ Никоновской лѣтописи. Всѣмъ изслѣдователямъ русской исторіи и литературы извѣстно, какія трудности сопряжены съ вопросомъ объ источникахъ этой лѣтописи; благодаря тому, что многія

извѣстія дошли до насъ только изъ Никоновской лѣтописи, самая достоверность ея, какъ источника нашей исторіи, была неоднократно подвергается сомнѣнію. Но выдающіеся изслѣдователи нашего лѣтописанія, какъ напримѣръ Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Забѣлинъ, давно уже установили болѣе правильный взглядъ на эту лѣтопись, объяснивъ ея обособленный отъ прочихъ характеръ тѣмъ, что составитель лѣтописи пользовался такими древними источниками, которые до насъ не дошли. Рѣшаюсь остановиться подробнѣе на вопросѣ объ источникахъ Никоновской лѣтописи: этого требуетъ съ одной стороны важность самой задачи, а съ другой вынесенное мною убѣжденіе, что Никоновская лѣтопись оказывается главнымъ и лучшимъ источникомъ для знакомства со второю редакціею Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Никоновская лѣтопись составлена неизвѣстнымъ лицомъ въ XVI вѣкѣ: есть основаніе думать, что лицо это работало не позже года смерти митрополита Даніила. Въ списокѣ, принадлежавшемъ князю Оболенскому и, кажется, справедливо почитаемомъ теперешнимъ издателемъ Никоновской лѣтописи С. О. Платоновымъ (основываюся на личномъ сообщеніи) за особенно древній по своему *составу*, — перечень митрополитовъ въ „Исторіи, сирѣчь повѣстникъ, о епископіахъ“ — статьѣ, помѣщенной передъ самою лѣтописью, оканчивается митрополитомъ Даніиломъ, при чемъ, согласно вѣрному замѣчанію издателя (А. О. Бычкова), имена слѣдующихъ митрополитовъ (отъ Іоасафа до Антонія) писаны другимъ почеркомъ. Въ древнѣйшемъ по времени *написаніи* списокѣ (Акад. XIV) тотъ же перечень доведенъ до митрополита Макарія, при чемъ имена слѣдующихъ митрополитовъ написаны другимъ почеркомъ.

Опредѣляя источники, по которымъ составлена древнѣйшая часть Никоновской лѣтописи (Повѣсть временныхъ лѣтъ), видимъ, что кромѣ хронографа, заимствованія изъ котораго отмѣчены А. Н. Поповымъ въ его Обзорѣ хронографовъ русской редакціи, а также нѣкоторыя повѣстей, каковы напримѣръ повѣсть о вѣрѣ Срацинской, однимъ изъ источниковъ ея былъ извѣстный намъ Лаврентьевскій списокъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Я приведу сейчасъ основанія, на которыхъ основываю это мнѣніе, а пока укажу теперь же, что хронографомъ и Лаврентьевскимъ спискомъ исчерпывается только часть Никоновской лѣтописи въ предѣлахъ до 1110—1117 гг. и притомъ далеко не большая часть.

Въ томъ, что составитель Никоновской лѣтописи пользовался, какъ

источникомъ, такимъ спискомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, который принадлежитъ къ той же семьѣ, какъ Лаврентьевскій списокъ, не можетъ быть сомнѣнія, хотя бы въ виду того, что въ этой лѣтописи читается запись игумена Сильвестра, извѣстная только изъ Лаврентьевскаго и сходныхъ съ нимъ списковъ. Ближайшее же сопоставленіе текста нѣкоторыхъ статей Никоновской лѣтописи съ соответствующими статьями Лаврентьевскаго списка убѣждаетъ насъ въ томъ, что источникомъ служилъ именно этотъ списокъ 1877 года. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о другихъ источникахъ Никоновской лѣтописи, замѣчу, что Лаврентьевскій списокъ оказалъ на нее влияние далеко не во всѣхъ ея частяхъ: вплоть до 1074 года я не замѣтилъ особенной близости Никоновской лѣтописи къ Лаврентьевскому списку, хотя впрочемъ статья о Началѣ Печерскаго монастыря подъ 1051 годомъ и благочестивыя размышленія подъ 1037 г. несомнѣнно цѣликомъ заимствованы въ Никоновскую лѣтопись изъ Лаврентьевскаго списка. Зато, начиная съ 1074 года, видимъ сплошное заимствование изъ Лаврентьевскаго списка въ Никоновскую лѣтопись, при чемъ въ этой части лѣтописи, отъ 1074 до 1110 года, только кое-гдѣ пробивается влияние другихъ источниковъ. Чтобы не быть голословнымъ, утверждая, что именно Лаврентьевскій списокъ легъ въ основаніе лѣтописнаго разказа 1037, 1051 и 1074—1110 гг. Никоновской лѣтописи, разсмотрю сравнительно оба текста—Лаврентьевскій и Никоновскій и укажу тѣ мѣста, которыя настолько поразительно связываютъ ихъ, что исключаютъ возможность предположить пользованіе составителемъ Никоновской лѣтописи, напримѣръ, спискомъ весьма близкимъ къ Лаврентьевскому или, напримѣръ, протографомъ Лаврентьевскаго списка.

Подъ 1037 г. въ Лаврентьевскомъ списокѣ читаемъ: „се суть исходяща *мостии*“ вѣсто исходяща *мудрости*, какъ въ Ипатьевскомъ, исходяще *милости*, какъ въ Радзивиловскомъ. Въ Никоновской: „се суть исходящемъ (исходящимъ) *мостии*“. Подъ 1051 г. передъ словами „яко отъ тебе мнози чернцы быти имуть“ въ Лаврентьевской и Никоновской читаемъ: „я рече ему“; этого нѣтъ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской и сх., Переяславской; напротивъ, послѣ словъ „устремися въ Святую Гору“ въ Ипатьевской, Радзивиловскомъ, Академическомъ находимъ слово „яти“, котораго нѣтъ въ Лаврентьевской и Никоновской. Въ слѣдующей фразѣ слова, отмѣченныя въ скобкахъ, недостають въ Лаврентьевской и Никоновской, но читаются въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипать-

евской: „братья же съ игуменомъ живяху (в печерѣ) и умножившимся брати в печерѣ (и не могушимъ имъ вмѣститися в печеру) и помыслиша“... ¹⁾).

Подъ 1074 г. только въ Лаврентьевской и Никоновской стоятъ „сомжаривъ очи“: во всѣхъ прочихъ спискахъ и между прочимъ въ Воскресенской лѣтописи: смеживъ (въ Карамзинскомъ спискѣ Воскресенской, согласно нѣкоторымъ спискамъ Никоновской, исправлено: сомживъ). Лаврентьевская и Никоновская: „выступя и поклонися“, въ Ипатьевской: выступя поклонися, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ: выступивъ поклонися. Въ Лаврентьевской и Никоновской: „и не бысть отвѣта“, въ Ипатьевской, Радзивиловскомъ, Академическомъ: „и не бысть гласа ни послушанья и многажды глаголя Антоний и не бысть отвѣта“. Въ слѣдующей фразѣ въ Лаврентьевской и Никоновской опущены заключенныя здѣсь въ скобки слова, читающіяся въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской: „и приславъ (Святославъ) въ почю поя Антонья Чернигову (Антоний же пришедъ къ Чернигову) възлюби Болдины горы“. Въ Лаврентьевской и Никоновской опущена цѣлая фраза, читающаяся въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской: „Се же бысть дивно чудно: яко за 2 лѣта лежа си ни хлѣба вкуси, ни воды, ни овоца, ни отъ какаго брашна, ни языкомъ прогласа, но нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта“. Тамъ же опущены слова: „и тако по малу научиша и“. Въ Лаврентьевской и Никоновской опущено слово „дерзновеніе“, читаемое въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской въ слѣдующей фразѣ: „Исакий же восприять (дерзновеніе и) въздержанья пакы жестоко“. вмѣсто Лаврентьевскаго „аци же и сами есте“, въ Никоновскомъ „таци вы то сами есте“, при чемъ за этимъ въ обоихъ спискахъ опущены слова, читаемыя въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской: „скверни и зли в видѣнии; и абие погубоша бѣси отъ него“. Напротивъ, послѣ словъ: „и во тмѣ ходите“ въ Лаврентьевской и Никоновской читаемъ: „и тма вы ять“, чего нѣтъ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской.

Подъ 1076 годомъ въ Лаврентьевской и Никоновской время

¹⁾ Что касается мѣста Никоновской лѣтописи: „и приять мя лѣтъ љ сущу ми въ монастыри, а лѣтъ зг отъ роженія моего, постригохся въ иноческій образъ“, которому соответствуетъ въ Лаврентьевскомъ „и приять мя лѣтъ ми сущю зг отъ роженья моего“, то особенное чтеніе Никоновской лѣтописи вызвано тѣмъ, что буква љ слова ми подлинника (Лавр. сп.) была принята за цифру љ (40), причѣмъ это вызвало и дальѣйшее распространеніе текста.

вступленія Всеволода на столъ означено только мѣсяцемъ: „мѣсяца генваря“, въ Ипатьевской указано число: „1 день“, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ нѣтъ „мѣсяца генваря“. Тоже подь 1078 годомъ: въ Лаврентьевской и Никоновской читаемъ „мѣсяца апрѣля“. тогда какъ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской прибавлено еще „10“ (число мѣсяца). Ниже видимъ въ Лаврентьевской и Никоновской пропускъ названія мѣсяца августа при числѣ 25: „мѣсяца августа“ стоятъ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ и Ипатьевской. Подь 1079 годомъ слова, заключенныя здѣсь въ скобки, недостають въ Лаврентьевской и Никоновской, но читаются въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской, Воскресенской и другихъ: „суть кости его и доселѣ (тамо лежаче) сына Святослава“. Подь 1086 годомъ въ Никоновской, такъ же какъ въ Лаврентьевской (равно и въ Радзивиловскомъ и Академическомъ), опущено извѣстіе о построеніи церкви св. Андрея и о постриженіи Янки: ср. Ипатьевскую, Софійскія, Воскресенскую. Подь 1088 годомъ въ Лаврентьевской и Никоновской пропущены имена епископовъ Луки, Исаія и Ивана: они читаются, какъ въ Ипатьевской, такъ и въ Радзивиловскомъ, Академическомъ. Подь 1089 годомъ опущены слово „Ростовскій“ при имени епископа Исаія, а также имя епископа черниговскаго „Іоанна“, какъ въ Лаврентьевской, такъ и въ Никоновской: вслѣдствіе этого Исаія (Ник. Исакій) оказывается черниговскимъ епископомъ; тоже находимъ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, между тѣмъ, какъ въ Ипатьевской, Воскресенской нѣтъ указанныхъ пропусковъ. При названіи церкви св. Михаила въ Лаврентьевской и Никоновской опущено „Переяславская“, дополняемое списками Ипатьевскимъ, Радзивиловскимъ, Академическимъ. Напротивъ, слова „бѣ бо преже в Переяславлѣ митрополья“ читаются изъ всѣхъ списковъ только въ Лаврентьевскомъ и Никоновскомъ. Подь 1091 годомъ, въ разказѣ о перенесеніи мощей преподобнаго Осодосія, въ Лаврентьевской и Никоновской опущены слѣдующія слова, находящіяся въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевскомъ спискахъ: „отъ братья, да не увѣдаетъ никтоже“; въ Никоновской, согласно Лаврентьевской (а также и въ Радзивиловскомъ, Академическомъ) сказано: „азъ же пристроихъ 7-ю дній роголю“, между тѣмъ, какъ изъ Ипатьевскаго и другихъ списковъ явствуетъ, что „7-ю дній“ стоитъ ошибочно вмѣсто „семь дни“ (въ этотъ день). Послѣ словъ „во вторникъ вечеръ“ въ Лаврентьевской и Никоновской опущены слова „въ суморокъ“, какъ это видно изъ Ипатьев-

ской, Радзивиловскаго, Академическаго. Въ числѣ епископовъ, присутствовавшихъ при перенесеніи мощей Θεодосія, въ Никоновской, согласно Лаврентьевскому списку, не названъ „Маринъ Гургевскій“: между тѣмъ, мы находимъ его въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской, Переяславской, Воскресенской и другихъ. Слову „подружію“ въ Лаврентьевской и Никоновской соотвѣтствуетъ — „женѣ“, словамъ „на шюей странѣ“ — „на лѣвой странѣ“ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской. Подъ 1092 годомъ мы читаемъ въ Лаврентьевской и нѣкоторыхъ спискахъ Никоновской лѣтописи: „плотскыя“, „плотскія“ вмѣсто „полотскыя“, а вмѣсто „яко *наше* бють Полочаны“ во всѣхъ спискахъ Никоновской *на ять* или *не ять*, въ Лаврентьевской *на ять*. Далѣе въ Лаврентьевской и Никоновской не достаеъ названія города „Прилуць“; тотъ же пропускъ замѣчается въ Радзивиловскомъ и Академическомъ, но онъ восполняется Ипатьевской и Переяславской. Подъ 1093 годомъ въ Лаврентьевской и Никоновской недостаеъ фразы: „овъ. сся. овъ же другія; сей же омиряя ихъ, раздаваше власти“; тамъ же пропущены слова: „друзии на мечь даеми бывають“: оба пропуска восполняются Радзивиловскимъ, Академическимъ, Ипатьевскимъ списками. Словамъ „и пришедъ Чернигову“ въ Лаврентьевской и Никоновской соотвѣтствуютъ слова „и иде Чернигову“ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской. Вмѣсто Радзивиловскаго, Академическаго, Ипатьевскаго „же есть праздникъ новый *русскій*“ въ Лаврентьевской и Никоновской: *русьскыя земля*. Вмѣсто словъ: „сътвори бо ся плачь великъ въ земли нашеи“ въ Лаврентьевской и Никоновской только: „земли вашей“. Въ *лѣто 6602* пропущено въ Лаврентьевской и Никоновской, равно какъ первое извѣстіе, помѣщенное подъ этимъ годомъ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской, Воскресенской, Тверской о женитьбѣ Святополка на дочери Тугоркана. Подъ 1095 годомъ вмѣсто „воеваша (на) Грекы“, какъ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской, мы читаемъ въ Лаврентьевской и Никоновской: „воеваша по гречьстѣй земли“; вмѣсто веляще (Радзивиловскій, Академическій, Воскресенская), веляча (Ипатьевская) мы читаемъ въ Лаврентьевской и Никоновской веляста. Подъ 1096 годомъ въ Лаврентьевской и Никоновской опущено: „къ Переяславлю“, которое найдемъ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской, Воскресенской; вмѣсто „маія 31“, какъ въ остальныхъ спискахъ, въ Лаврентьевской и Никоновской „маія въ 30“. Въ Лаврентьевской и Никоновской

„нарядите полкъ (полки)“ соответствует Радзивиловскому, Академическому, Ипатьевскому, Воскресенскому: „нарядите дружины“. Въ Лаврентьевской читаемъ: „Тугоркана мертвого и *взяша* и Святополкъ“, въ Никоновской: „*взяша* Тугоркана мертвого Святополкъ“, между тѣмъ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской, Воскресенской: „Тугоркана мертва и взя и Святополкъ“. Въ Лаврентьевской и Никоновской: „принуть муку дьяволомъ *утованни оио стчнному*“, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской: *и оио стчнми*. Въсто „на холму нарѣцаемѣмъ Выдобычи“ въ Лаврентьевской и Никоновской, — „иже есть надъ Выдобычь“ въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской. Только въ Лаврентьевской и Никоновской при словѣ „Половци“ читаемъ „Кумани рекше“; только въ Лаврентьевской и Никоновской находимъ фразу: „и заведь Кунуи пѣшцы“ (Никоновская 128, Лаврентьевская 231, Ипатьевская 166; въ Воскресенской она есть); напротивъ, сравнительно съ Радзивиловскимъ, Академическимъ, Ипатьевской, въ Лаврентьевской и Никоновской недостаетъ фразы: „сседоша с коней Новгородци“. Подъ 1097 годомъ въ Лаврентьевской и Никоновской „не вѣдый лсти юже *имяше* на нь Давыдъ“, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской въсто имяше — *коваше*, въ Воскресенской „не вѣды на себя лсти“. Въ Никоновской и Лаврентьевской (а также Радзивиловскомъ и Академическомъ): „и есть рана та на Василѣ и до сего дне“, между тѣмъ въ Ипатьевской „бша знати рану ту на лицѣ ему“, а въ Софійской, Воскресенской измѣнено. Въ Лаврентьевской „вѣдѣ бо ся с нимъ что молвиль“, въ Никоновской „ведѣ бо ся съ нимъ что мѣвилъ“ (но въ нѣкоторыхъ спискахъ и между прочимъ въ спискѣ Оболенскаго—мѣвилъ), въ Ипатьевской, Радзивиловскомъ, Академическомъ то же, но затѣмъ прибавлено: „(и) не поидеть“, въ Софійской и Воскресенской всего этого мѣста нѣтъ. Въ Лаврентьевской (и Академическомъ) и Никоновской „иди к Василковн, *тезу своему*“, въ Радзивиловскомъ, Ипатьевской нѣтъ подчеркнутыхъ словъ; въ Софійской и Воскресенской нѣтъ всего этого мѣста. Замѣтимъ здѣсь же, что въ разказѣ, относящемся къ концу этого 1097 года, въ Никоновской находимъ рядъ чтеній общихъ съ Воскресенскою и отличныхъ отъ Лаврентьевской (сравни ниже). Подъ 1103 годомъ Никоновская представляетъ то же испорченное мѣсто, что Лаврентьевская („хочемъ на смерды и погубити ѣ“ Лаврентьевская, „хочемъ на смерды и погубити ихъ“ въ Никоновской), между тѣмъ какъ въ Ипатьевской, Радзивиловскомъ.

Академическомъ исправленный текстъ: „хочемъ погубити смерды и ролью имъ“, въ Воскресенской все мѣсто измѣнено. Подъ 1102 годомъ въ Лаврентьевской и Никоновской „декабря въ 20“, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской „октября въ 20“. Въ Лаврентьевской и Никоновской „благовѣрнии чернци (чръноризцы)“—въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской „благовѣрнии челоувѣци“. Подъ 1104 годомъ въ Лаврентьевской и Никоновской: „того же мѣсяца въ 18 Никиеоръ митрополитъ на столѣ посаженъ“, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ этого извѣстія нѣтъ, а въ Ипатьевской нѣтъ слова: „того же мѣсяца въ 18“. Подъ 1108 годомъ: въ Лаврентьевской и Никоновской „иже ю и заложѣ“, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской „юже заложѣ“; въ Лаврентьевской и Никоновской: „заложенъ ей“, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской: „заложенъ ей“; въ Лаврентьевской (а также Радзивиловскомъ и Академическомъ) и Никоновской: „въ 11 муля“, въ Ипатьевской 9 іюля, въ Воскресенской нѣтъ числа. Подъ 1110 годомъ въ Лаврентьевской и Никоновской: „дошедше Воиня и воротѣшася“, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ, Ипатьевской нѣтъ подчеркнутаго слова „и“.

Я думаю, что приведенныхъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы доказать, что многія мѣста Никоновской лѣтописи попали въ нее непосредственно изъ Лаврентьевскаго списка Повѣсти временныхъ лѣтъ: Никоновская лѣтопись повторяетъ даже описки этого своего оригинала. Я считаю немаловажнымъ для дальнѣйшаго изслѣдованія добытый нами результатъ. Во-первыхъ, мы, выдѣливъ заимствованія изъ Лаврентьевскаго списка, знаемъ теперь съ увѣренностью, что именно слѣдуетъ искать въ другихъ источникахъ; во-вторыхъ, обсудивъ объемъ вліянія Лаврентьевскаго списка, мы тутъ же получимъ возможность опредѣлять, каковъ былъ характеръ того другого источника Никоновской лѣтописи, откуда въ нее вошли остальные части Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ другомъ источникѣ составитель Никоновской лѣтописи не нашелъ большей части извѣстій и разказовъ, слѣдующихъ за 1074 годомъ; онъ не нашелъ въ немъ ни благочестивыхъ размысленій поды 1037 годомъ, ни также Сказанія о началѣ Печерскаго монастыря поды 1051 годомъ. Въ виду сказаннаго выше объ изводѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ, читаемомъ въ Софійской 1-ой, Софейской, Новгородской 4-ой и другихъ лѣтописяхъ, въ виду того, что именно эти и имъ подобныя лѣтописи, представляя

сначала полный текст Повѣсти временныхъ лѣтъ, содержать лишь сокращеніе Повѣсти въ части за 1074 годомъ и опускаютъ совсѣмъ Сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря подъ 1051 годомъ, а также благочестивыя размышленія подъ 1037 годомъ, мы вполне въ правѣ заключить, что другимъ источникомъ Никоновской лѣтописи былъ лѣтописный сводъ того же характера, того же происхожденія, какъ своды Софійской 1-ой, Новгородской 4-й и прочихъ лѣтописей. Не находя прямыхъ указаній на большее число источниковъ, мы ограничиваемся предположеніемъ трехъ *главныхъ* источниковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ по Никоновской лѣтописи: это—1) Хронографъ, 2) Сводъ подобный Софійскимъ и другимъ спискамъ Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ, 3) Лаврентьевскій списокъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Въ томъ, что однимъ изъ источниковъ Никоновской лѣтописи былъ лѣтописный сводъ подобный Софійской 1-ой, Тверской и другимъ лѣтописямъ, не подлежитъ сомнѣнію въ виду цѣлаго ряда мѣстъ, сближающихъ текстъ Никоновской лѣтописи съ текстомъ лѣтописей указанной категоріи. Такъ, напримѣръ, въ Никоновской, вопреки Лаврентьевской и Инатевской, читается подъ 887 годомъ хронологическая выкладка, известная изъ Софійской, Софійской 1-ой, Новгородской 4-ой лѣтописей; такъ въ Никоновской рассказы о Любецкой и Лиственской битвахъ, о походѣ Владимира Ярославича 1043 года читаются съ тѣми же подробностями, что въ Софійской; такъ въ Никоновской находимъ рядъ новгородскихъ извѣстій, начиная съ крещенія Новгорода при епископѣ Іоакимѣ, сравните, напримѣръ, подъ 1049 годомъ о пожарѣ, истребившемъ 4-го марта св. Софію, или о смерти Владимира Ярославича 4-го октября въ воскресенье въ 1052 году, о побѣдѣ князя Глѣба надъ Всеславомъ 23-го октября 1069 года; подъ 1071 годомъ названъ новгородскій епископъ Ѳедоръ, а подъ 988 такъ же какъ въ Софійской, Тверской, Воскресенской и прочихъ сказано, что Владимиръ крестился въ церкви *св. Іакова*, подъ 983 годомъ названъ сынъ Варяга мученика Иваномъ, а въ договорѣ Святослава приведено слово *пинехросу* (Воскресенская, Софійская 1-ая, лѣтописъ Аврамки); подъ 1103 годомъ упоминается о постройкѣ Мстиславомъ церкви св. Благовѣщенія въ Новгородѣ (Софійская 1-ая, Воскресенская), а подъ 1108 годомъ о смерти новгородскаго епископа Никиты (Софійская 1-ая, Воскресенская) и о началѣ работъ по расписыванію храма св. Софін (Новгородская 4-ая). Въ виду этого, не подлежитъ сомнѣнію, что составитель Никоновской лѣтописи пользо-

вался, какъ источникомъ, однимъ изъ списковъ Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ, почему я возвращаюсь къ выше высказанному предположенію о томъ, что намъ удалось опредѣлять всѣ три главные источника Никоновской лѣтописи въ части, соответствующей Повѣсти временныхъ лѣтъ. Такое предположеніе встрѣчаетъ, однако, затрудненіе въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Если мы отнесемъ все то, что не могло попасть въ Никоновскую лѣтопись изъ Хронографу или изъ Лаврентьевскаго списка, насчетъ Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ, мы увидимъ съ одной стороны, что языкъ Никоновской лѣтописи, а частью даже содержаніе ея, въ цѣломъ рядѣ случаевъ ближе къ Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискамъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, чѣмъ къ Софійскимъ, Новгородской 4-ой и др. даже въ тѣхъ частяхъ, которыя по содержащимся въ нихъ особенностямъ нельзя признать за заимствованныя изъ Лаврентьевскаго списка; съ другой стороны въ Никоновской лѣтописи найдемъ много извѣстій совершенно неизвѣстныхъ изъ списковъ Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Такъ съ одной стороны отмѣчаемъ, что разказъ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ Никоновской лѣтописи гораздо ближе къ Лаврентьевской и Ипатьевской, чѣмъ къ Софійской, Новгородской 4-ой, Воскресенской, Тверской, причемъ, однако, въ виду имени Михаила Юрьевскаго, отсутствующаго въ Лаврентьевской, текстъ Никоновской лѣтописи нельзя возводить къ Лаврентьевскому списку; сравните еще имена Ивана Холмскаго и Стефана Бѣлгородскаго, которыхъ нѣтъ также въ Ипатьевской. Такъ подъ 1054 годомъ въ Никоновской, согласно Лаврентьевской, Ипатьевской, читаемъ „возложъ на сани“: этого нѣтъ въ Софійской, Воскресенской; слову *наряди* (сыны своя) Никоновской въ Лаврентьевскомъ соответствуетъ *уряди*, въ Ипатьевской *наряди*, а въ Софійскихъ, Воскресенской, Тверской *поучи*, *поучилъ*. Подъ 1065 годомъ слову „позоровахомъ“ Никоновской соответствуетъ то же слово въ Лаврентьевской, Ипатьевской, тогда какъ въ Софійскихъ, Воскресенской „смотрихомъ“; тамъ же, согласно Лаврентьевской и Ипатьевской, читаемъ: „се же проявляше крамолы, недужи челоуѣкомъ и умертвіе“; въ Софійскихъ и Воскресенской „по семъ крамолы и умертвіа бише челоуѣкомъ“; подъ 1069 годомъ: Никоновская, согласно Лаврентьевской и Ипатьевской: „то в малѣ пріндеъ дружинѣ“, въ Софійской и Воскресенской: „то в малѣ пріндеъ силѣ“; подъ 1070: Никоновская, согласно Лаврентьевской, „въ монастыри Всеволожи“, а въ Софій-

скихъ, Воскресенской и также въ Ипатьевской прибавлено: „на Выдобычи“; подъ 980 годомъ Никоновская, согласно Лаврентьевской: „а отъ другия Святослава, Мьстислава“, между тѣмъ, въ Софійскихъ мѣсто Мьстислава—Станислава.

Съ другой стороны, какъ мы только что указали, въ Софійской 1-ой и ей подобной лѣтописяхъ вѣтъ, напримѣръ, извѣстія о чудесномъ явленіи птицы надъ церковью св. архангела Михаила въ Кіевѣ въ 1109 году, или извѣстій о рожденіи Яна Святославича, внука Владимира подъ 1002 годомъ, о крещеніи князя печенѣжскаго Метигая подъ 989 годомъ, о побѣдѣ Ярополка надъ печенѣгами въ 978 году и др.

Въ виду указанныхъ особенностей языка и содержанія Никоновской лѣтописи, можно не согласиться съ высказаннымъ предположеніемъ о томъ, что источникомъ тѣхъ частей Никоновской лѣтописи, которыхъ не найдемъ въ Хронографѣ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ, былъ списокъ Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ, однородный съ лѣтописями Софійскою 1-ою, Новгородскою 4-ою и другими. Но сила указанныхъ возраженій значительно ослабится, если мы вспомнимъ тотъ результатъ, къ которому мы пришли выше: дошедшіе до насъ списки Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ предполагаютъ существованіе древней и первоначальной редакціи его, значительно измѣнившейся въ позднѣйшихъ спискахъ. Является вопросъ, не пользовался ли составитель Никоновскаго списка какъ разъ этою древнѣйшею редакціей Новгородскаго извода? Думаю, что вопросъ этотъ найдетъ утвердительный отвѣтъ въ силу слѣдующихъ соображеній.

Отмѣчая отличительный характеръ не дошедшей до насъ первоначальной редакціи Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ, сравнительно съ тѣми позднѣйшими списками, въ которыхъ она отразилась, мы видѣли, что эта редакція стояла ближе, чѣмъ они, къ обоимъ своимъ первоисточникамъ—къ Новгородской 1-ой лѣтописи и ко второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ. Если мы предположимъ, что въ основаніе Никоновской лѣтописи легла эта первоначальная редакція Новгородскаго извода, мы должны допустить и то, что языкъ и содержаніе Никоновской лѣтописи ближе, чѣмъ Софійская 1-ая, Тверская и другія лѣтописи: 1) къ Новгородской 1-ой лѣтописи, 2) ко второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ. Въ виду того, что вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ не дошла до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ и извѣстна лишь изъ Новго-

родскаго извода, а также изъ нѣкоторыхъ списковъ смѣшанной редакціи (Ипатьевской, Переяславской и др.), мы можемъ повѣрить наше заключеніе, а также и высказанное выше предположеніе только путемъ сравненія съ Новгородскою 1-ою лѣтописью съ одной стороны Никоновской, съ другой Софійской, Новгородской 4-ой и т. п. лѣтописей. Если окажется, что Никоновская лѣтопись ближе другихъ къ Новгородской 1-ой, мы увидимъ въ этомъ ясное указаніе на то, что въ основаніи ея лежитъ предположенный нами Новгородскій изводъ Повѣсти временныхъ лѣтъ въ его первоначальномъ видѣ. Выѣтъ съ тѣмъ мы получимъ, можетъ быть, указаніе и на то, что часть приведенныхъ выше случаевъ большей близости Никоновской лѣтописи къ Лаврентьевской, Ипатьевской, чѣмъ къ Софійской, Тверской, Воскресенской, объясняется именно тѣмъ, что Никоновская лѣтопись ближе къ Новгородской 1-ой лѣтописи (содержавшей Начальный сводъ), чѣмъ указанные лѣтописные своды.

Въ виду важности правильнаго разрѣшенія предстоящей задачи, обращаюсь къ систематическому разсмотрѣнію общихъ статей между Новгородскою 1-ою лѣтописью, Никоновскою лѣтописью и лѣтописными сводами, подобными Софійскимъ.

Подъ 866 годомъ въ Никоновской читаемъ: „и *край* ея (ризы св. Богородицы) въ *море* омочивше“, сравните въ Новгородской 1-ой: „въ *море* *скутъ* омочиша“; между тѣмъ въ Лаврентьевской, Ипатьевской „в *рѣку* омочивше (омочиша)“, въ Софійской 1-ой: „и омочи въ *рлиць*“, въ Воскресенской, Тверской, Софійской 1-ой (Царск.): „и омочи *въ море*“. — Подъ 904 въ Никоновской: „Игорь и Олегъ пристроиста ноя многы и корабля многы бещислены“, то же извѣстіе въ Новгородской 1-ой; мы видѣли выше, что оно повторяется еще, частью въ измѣненномъ видѣ, въ спискахъ Новгородской 4-ой, что въ Тверской вмѣсто Олега является Ольга, а что въ Лаврентьевской, Ипатьевской, Софійской 1-ой, Софійской, Воскресенской этого мѣста совсѣмъ нѣтъ. — Подъ 947 въ Новгородской 1-ой лѣтописи: „а санки ея стоять но Псковѣ и до *сею дни*“, въ Никоновской вмѣсто подчеркнутыхъ словъ: „и *нынѣ*“; въ Лаврентьевской, Хлѣбниковскомъ, Погодинскомъ читается такъ же какъ въ Новгородской 1-ой, между тѣмъ, въ Воскресенской, Софійской 1-ой, Тверской подчеркнутыя слова опущены. — Подъ 955 въ Новгородской 1-ой, Никоновской, а также въ Лаврентьевской: „и бѣ тогда царь именовъ Чельскій (Цемскій)“, въ Софійской 1-ой, Воскресенской, Тверской прибавлено *Иванъ*; въ Новгородской 1-ой и Никоновской вслѣдъ за этимъ читаемъ слова: „они

же повѣдаша царю приходъ ея, и абіе царь возва ю къ себѣ, она же иде къ нему, ничто же медлящи“: этихъ словъ нѣтъ въ другихъ спискахъ, равно какъ нѣтъ нѣсколько ниже словъ: „царь же послуша словеси ея, и абіе“. Въ Никоновской и Новгородской 1-ой одинаково читаемъ: „упремудри мя Ольга словеси свои. Бѣ бо Ольга мудра словеси. Царь же пакы Чемьскій (слышавши) глаголы ея“; въ Лаврентьевской, Ипатьевской, Софійской 1-ой и др. вмѣсто этого находимъ: „переключала мя еси, Ольга“. Словъ: „принявши святое крещеніе и божественныя дары въ Царскомъ градѣ отъ честиѣйшаго патріарха“, которыя одинаково читаются въ Новгородской 1-ой и Никоновской, нѣтъ въ другихъ спискахъ. Въ Новгородской 1-ой и Никоновской находимъ: „и отвѣщавши же Ольга и рече къ Соломѣру (Косомѣру)¹⁾: аще ты сице глаголеши отъ Чемьскаго царя, рци ему“, вмѣсто этого во всѣхъ другихъ спискахъ: „отвѣщавши Ольга, и рече къ словъ (къ царевымъ посломъ, къ посломъ, къ словомъ Новгородская 4-ая): аще ты рци“. — Подъ 968 годомъ въ Новгородской 1-ой и Никоновской читаемъ: „бѣ бо умѣя велии печенѣжскимъ языкомъ“, въ Софійской 1-ой, Воскресенской: „бѣ бо умѣя печенѣжскій языкъ“, въ Софійской: „бѣ бо умѣя печенѣжскимъ языкомъ“, въ остальныхъ спискахъ, и между прочимъ въ Карамзинскомъ и Оболенскомъ спискахъ Софійской 1-ой лѣтописи, въ Тверской: „бѣ бо умѣя печенѣжски“. — Подъ 969 въ Новгородской 1-ой и Никоновской: „сю бо хвалять рустѣи князь и сынове“: въ остальныхъ спискахъ нѣтъ подчеркнутыхъ здѣсь словъ. — Подъ 965: въ Новгородской 1-ой и Никоновской „и Ясы побѣди и Касоги, и приведе Киеву“: въ прочихъ спискахъ нѣтъ подчеркнутыхъ здѣсь словъ, а въ Ипатьевской и въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ: „и приде къ Киеву“. — Подъ 971: въ Новгородской 1-ой и Никоновской: „И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: возмѣте кому что будетъ. Они же поимаша“; во всѣхъ другихъ спискахъ иначе, сравните въ Лаврентьевской: „И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: схороните“, въ Софійской 1-ой, Воскресенской: „и рече Святославъ, кромѣ зря: возмите и сохраните, отроци мои!“ — Подъ 980: Новгородская 1-ая и Никоновская: „не хочу розувати робичица“, въ остальныхъ *розуми*; „идоша въ Греки къ Царьскому граду“, въ остальныхъ: „къ Царюграду въ Греки“ или просто: „Царюграду“; „а отъ другыя Святослава, Мсты-

¹⁾ Въ Новгородской 1-ой соломѣру явилось, конечно, вмѣсто съломъ царю древняго подлинника, то-есть, Начальнаго свода.

слава", тоже въ Лаврентьевской, Радзивиловскомъ, Хлѣбниковскомъ, Погодинскомъ, между тѣмъ въ Ипатьевскомъ, Академическомъ, Софійской 1-ой, Воскресенской: „а отъ другія Святослава, Станислава“. — Подъ 986 годомъ: Новгородская 1-ая и Никоновская: „зажже кумиры въ храниѣ“, „зажже хранию съ кумиры“ — въ Лаврентьевской, Воскресенской, Тверской: „зажже идолы въ храниѣ“; „Яковъ же сииде въ Египеть. сый лѣтъ 100 и 30, числомъ 70 и 5 душъ“ въ Никоновской и Новгородской 1-ой; въ остальныхъ (Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской, Тверской) 65 душъ, но въ Хлѣбниковскомъ и Софійскихъ 75 душъ; въ Новгородской 1-ой и Никоновской: „а преже имя ему (Моисѣю) бѣ Немелхия“: въ остальныхъ этого нѣтъ (Лаврентьевской, Ипатьевской, Софійской, Воскресенской, Тверской); Никоновская и Новгородская 1-ая: „и раступися вода на 12 пути, въ Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской, Софійской, Тверской: „на двое“; Никоновская и Новгородская 1-ая: „яко же бо преже ркохомъ“, въ Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской: *рекохъ* (ркохъ); Никоновская и Новгородская 1-ая: „яко 10 мѣсяць губиша дѣти жидовьскыя“, въ Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской, Софійской вмѣсто губиша: *топита*. — Подъ 987 годомъ: Новгородская 1-ая и Никоновская: „испытайте вѣру ихъ и службу“; тоже въ Ипатьевской, Переяславской, а въ Лаврентьевской, Воскресенской, Радзивиловскомъ, Академическомъ, Софійской подчеркнутыхъ словъ нѣтъ. — Подъ 988 годомъ: въ Новгородской 1-ой и Никоновской ошибочно: „Аполинарій *Ерусалимскый*“, во всѣхъ другихъ спискахъ: *Александрійскый*; Новгородская 1-ая и Никоновская: „ина же многа рази держать, ихже блюдиа ученія“, тоже въ Ипатьевской; въ Лаврентьевской, Воскресенской, Софійской, Тверской подчеркнутыя слова опущены. — Подъ 1015 г. Новгородская 1-ая и Никоновская: „въ раку мраморяну“, тоже въ Радзивиловскомъ, Академическомъ; въ Лаврентьевской: „въ корсту морморлю“, въ Ипатьевской, Софійской 1-ой, Софейской, Тверской: „въ гробъ мраморень“. Разказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба въ Никоновской ближе къ Новгородской 1-й, а потому и къ Лаврентьевской, Ипатьевской, чѣмъ къ Софійской 1-ой, Воскресенской. Такъ въ Никоновской и Новгородской 1-ой за словами „нечестьемъ душу свою емлютъ“ слѣдуетъ: „посланіи же придоша на Алто поле пощью“; въ Софійской 1-ой, Воскресенской и др. между обѣими фразами длинная вставка: „Блаженный же Борисъ, якоже си быше воротилъ... начать молитися къ Господу Богу“; въ Лаврентьевской, Ипатьевской этой вставки нѣтъ. Въ Новгородской 1-ой лѣто-

писи. въ Никоновской, а также въ Лаврентьевской, Ипатьевской за словами „отай принесеше Вышегороду, у церкви святаго Васіліа“ слѣдуетъ фраза: „Оканніи же сіи убійци“; въ Софійской 1-ой, Воскресенской и др. за словами: „принесше тай въ Вышегородъ. у церкви святаго Васіліа въ земли погребоша ѿ“ читаемъ: „Сій благовѣрный князь Борисъ — благодать Божія цвѣтяше на немъ“ и уже за этою вставкою: „Оканніи же си убійци“. Вслѣдъ за этимъ въ Никоновской, Новгородской 1-й. а также въ Лаврентьевской, Ипатьевской приводятся имена убійць; этого отрывка („суть же имена сими законопреступникомъ — отецъ же ихъ сатана“) нѣтъ въ Софійской 1-ой, Тверской и др. Въ Новгородской 1-й, Никоновской послѣ словъ: „и повержену на мѣстѣ пустѣ межѣ двѣма колодами“ читаемъ длинный отрывокъ, котораго нѣтъ въ Лаврентьевской, Ипатьевской: „якоже рече Давидъ — и налѣзоша его. идѣже бяху видѣли“; въ Софійской 1-ой, Тверской и др. читаемъ тотъ же отрывокъ, но конецъ его, начиная со словъ „дондеже не терпя Ярославъ сего злаго убійства“ иной, чѣмъ въ Никоновской и Новгородской 1-ой. Въ обѣихъ на званныхъ лѣтописяхъ находимъ далѣе фразу, которой нѣтъ въ другихъ спискахъ: „ркоша Новгородьци: сего мы насилья не можемъ смотрити (терпѣти), и собращася въ ночь“. — Подъ 1050 годомъ, въ Никоновской, Новгородской 1-ой, а также Лаврентьевской, не указанъ день смерти жены Ярослава Владимировича, въ Ипатьевской, Софійской, Софійской 1-ой, Тверской, Воскресенской: „февраля въ 10“. — Подъ 1060 за словами „они же поручьшеса“ въ Новгородской 2-ой, Никоновской слѣдуетъ: „и изгнаша даньники“, въ Софійской 1-ой, Воскресенской и др. между этимъ вставлено еще: „дань даяти“; въ Лаврентьевской, Ипатьевской совсѣмъ нѣтъ этого мѣста. — Подъ 1067 годомъ въ Новгородской 1-ой и Никоновской видимъ одинаково пропускъ между словами „и поидоша к Немѣзи“ — „мѣсяца марта въ 3 день“. Пропускъ этотъ восполняется Лаврентьевскою, Ипатьевскою, Воскресенскою, Софійскою 1-ою и др. списками: „и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немѣзи“. Подъ 1068 годомъ читаемъ въ Новгородской 1-ой и Никоновской, такъ же какъ въ Лаврентьевской, Ипатьевской, благочестивое размышленіе по поводу нашествія половцевъ: этого размышленія нѣтъ въ Софійской 1-й, Воскресенской, Тверской, Софійской, Новгородской 4-ой и др. спискахъ. Подъ 1069 годомъ въ Новгородской 1-ой лѣтописи и Никоновской „иния же безъ вини погуби“, тоже въ Лаврентьевской, Ипатьевской; въ Софійской 1-й, Воскресенской нѣтъ словъ:

„безъ вины“. Въ Новгородской 1-ой, такъ же какъ въ Лаврентьевской, Ипатьевской: „и прияша князь свой Кыянъ“, въ Никоновской „и приаша его Кіанъ“, тогда какъ въ Софійской 1-й, Воскресенской „и посадиша князь свой въ Кіевъ“. Въ Новгородской 1-ой и Никоновской: „и малъ приндеть дружинъ“, то же въ Лаврентьевской, Ипатьевской; въ Софійской 1-ой, Воскресенской вмѣсто слова дружинъ — *силъ*. Въ Новгородской 1-ой, а также Лаврентьевской и Никоновской послѣ словъ „в монастыри Всеволожи“ нѣтъ объясненія „на Выдобычи“. читаемаго въ Ипатьевской, Софійской 1-й, Воскресенской. Въ Новгородской 1-ой и Никоновской „провѣдѣ (проповѣдѣ) вся“, то же въ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ, Академическомъ: „провѣде (проповѣжь) вся“, въ Ипатьевской „все вѣдаю“, въ Софійской 1-ой, Тверской и др. „вѣмъ все“. Подъ 1072 годомъ въ Новгородской 1-ой и Никоновской, согласно Лаврентьевской, Ипатьевской: „бѣ тогда Вышегородъ держа Чюдинъ, а церковь Лазарь“ — этихъ словъ нѣтъ въ Софійской 1-ой, Воскресенской, Софейской, но они есть въ Новгородской 4-ой, Тверской; вообще разказъ Никоновской сходится болѣе съ Новгородскою 1-ою, а потому и съ Лаврентьевскою, Ипатьевскою, чѣмъ съ Софейскою, Софійскою 1-ою, Тверскою и др. списками; въ Новгородской 4-ой тотъ же краткій разказъ, что въ Никоновской и Новгородской 1-ой. — Подъ 1073 годомъ въ Никоновской и Новгородской 1-ой, равно какъ въ Лаврентьевской, Ипатьевской, говорится о закладкѣ Печерской церкви, въ Софійской 1-ой, Софейской, Воскресенской этого извѣстія нѣтъ.

Въ этомъ перечнѣ приведены далеко не всѣ мѣста, заслуживающія вниманія, какъ доказательства высказаннаго выше мнѣнія объ особой близости Никоновской лѣтописи къ Новгородской 1-ой. Эту близость мы объясняли тѣмъ, что въ основаніи Никоновской лѣтописи лежитъ Новгородскій изводъ Повѣсти временныхъ лѣтъ въ древней первоначальной его редакціи; возможно, конечно, предположить, что составитель Никоновской лѣтописи былъ непосредственно знакомъ съ Новгородскою 1-ою лѣтописью и что разсмотрѣнныя нами статьи заимствованы имъ прямо изъ котораго либо изъ списковъ этой лѣтописи. Но такое предположеніе я не считаю вѣроятнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: намъ пришлось бы допустить, что составитель Никоновской лѣтописи былъ знакомъ съ тремя списками Повѣсти временныхъ лѣтъ: со спискомъ сходнымъ съ Софійскими, Воскресенскою и др. лѣтописями: изъ него онъ заимствовалъ бы, напримѣръ, начало Повѣсти, описаніе Лиственской битвы, Владимірова похода

1043 года и др.; со спискомъ Новгородской 1-ой лѣтописи: изъ него заимствованы бы были статьи общія между этою лѣтописью и Полювѣстью временныхъ лѣтъ; со спискомъ Лаврентьевскимъ, бывшимъ источникомъ разказовъ подъ 1037 и 1051 гг., а также всей части, слѣдующей за 1074 годомъ. Странно и непонятно, почему Никоновская лѣтопись предпочла бы неполный изводъ Повѣсти временныхъ лѣтъ по Новгородской 1-ой лѣтописи той полной и обширной редакціи, которая легла въ основаніе ея, изъ которой взято, напримѣръ, самое начало лѣтописи; если же она почему либо дѣйствительно предпочла Новгородскую 1-ую лѣтопись лѣтописи, сходной съ Софійскими, Новгородскою 4-ою и др., то непонятно, почему она заимствовала бы свое начало изъ этой послѣдней лѣтописи, а не изъ Лаврентьевскаго списка, непонятно также, почему она поправила бы на основаніи именно ея рядъ чтеній Новгородской 1-ой лѣтописи, замѣнивъ, напримѣръ, церковь св. Василиска, гдѣ крестился Владимиръ церковью св. Іакова, а не церковью св. Василія (какъ въ Лаврентьевскомъ). Но кромѣ того, допустивъ, что эти три списка были источниками Повѣсти временныхъ лѣтъ, намъ придется искать еще новыхъ источниковъ, которые объяснили бы намъ присутствіе въ Никоновской лѣтописи такихъ извѣстій какъ о войнѣ Аскольда и Дира съ полочанами, о голодѣ въ Кіевѣ въ 867 году, о закладкѣ церкви св. Михаила въ Кіевѣ 9 марта 1108 года и многихъ другихъ. Въ виду цѣлаго ряда затрудненій, вызываемыхъ предположеніемъ о томъ, что Никоновская лѣтопись пользовалась непосредственно Новгородскою 1-ою лѣтописью, я остаюсь при высказанномъ выше мнѣніи и полагаю, что составитель ея пользовался, кромѣ Лаврентьевскаго списка, тою древнею редакціею Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ, въ которой статьи, заимствованныя изъ Новгородской 1-ой лѣтописи, еще не успѣли подвергнуться измѣненіямъ, однороднымъ съ тѣми, что мы находимъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ указаннаго извода (Софійская 1-ая лѣтопись, Новгородская 4-ая и др.).

Мы знаемъ, что Новгородскій изводъ Повѣсти временныхъ лѣтъ основанъ на двухъ источникахъ — Новгородской 1-ой лѣтописи и какой-то особой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, названной нами второю редакціею. Въ позднѣйшей редакціи Новгородскаго извода (Софійская 1-ая лѣтопись и др.) измѣненію подверглись, конечно, не только тѣ части извода, которыя восходятъ къ Новгородской 1-ой

лѣтописи, но и тѣ, источникомъ которыхъ была вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ. Если въ Никоновской лѣтописи отразились точно статьи Новгородскаго извода, заимствованныя имъ изъ Новгородской 1-ой лѣтописи, въ ней такъ же точно должны были отразиться статьи, попавшія въ Новгородской изводъ изъ другаго источника,— изъ второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ. И подобно тому какъ ближайшее соотвѣтствіе цѣлому ряду чтеній и извѣстій Никоновской лѣтописи мы могли найти только въ первоисточникѣ Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ—въ Новгородской 1-ой лѣтописи, такъ же точно рядъ другихъ чтеній и извѣстій можно было бы найти только въ другомъ первоисточникѣ этого извода — во второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, если бы эта редакція сохранилась до насъ въ какомъ-либо спискѣ. Но, какъ указано выше, списковъ 2-ой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ до сихъ поръ пока неизвѣстно. Слѣдовательно, Никоновскій списокъ является цѣннымъ и важнымъ источникомъ для знакомства съ этою редакціею.

Ближайшимъ образомъ Никоновская лѣтопись приводитъ изслѣдователя не къ этой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, а къ Новгородскому изводу Повѣсти временныхъ лѣтъ, пользовавшемуся, какъ мы видѣли, второю редакціею, какъ дополнительнымъ источникомъ, изъ котораго заимствовалось все то, чего не доставало въ главномъ источникѣ извода—въ Новгородской 1-ой лѣтописи. Хотя конечную цѣлью нашего изслѣдованія является опредѣленіе состава и характера второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, для того чтобы вслѣдъ за этимъ перейти къ изслѣдованію первой редакціи того-же памятника, но въ виду того, что главнымъ источникомъ знакомства съ этою второю редакціею оказывается Новгородскій изводъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, мы должны прежде всего остановиться на изслѣдованіи этого извода, указать путь къ возстановленію его первоначальнаго состава, опредѣлить его первоначальный объемъ, еще разъ перейти къ вопросамъ объ его источникахъ и объ отношеніи его къ другимъ памятникамъ.

Первоначальный составъ и объемъ Новгородскаго извода Повѣсти временныхъ лѣтъ опредѣляется, согласно предыдущему, какъ изъ Никоновской, такъ и изъ Софійской 1-ой, Новгородской 4-ой, Тверской и др. лѣтописей. При этомъ оказывается, что лѣтописный разказъ въ изслѣдуемомъ изводѣ доходитъ приблизительно до середины XIII вѣка. Одни изъ перечисленныхъ, равно и сходныхъ съ ними памятниковъ представляются, въ предѣлахъ отъ начала лѣтописи до

середины XIII вѣка, простымъ сокращеніемъ Новгородскаго извода, измѣнившимъ лишь нѣкоторыя чтенія, опустившимъ лишь нѣкоторыя подробности первоначальнаго текста подъ вліяніемъ другихъ списковъ, другихъ редакцій Повѣсти временныхъ лѣтъ: отношу сюда лѣтописи Софійскую 1-ую, Софейскую, Новгородскую 4-ую. Другіе памятники содержатъ сокращеніе Новгородскаго извода съ цѣлымъ рядомъ прибавленій, дополненій, поправокъ изъ другихъ памятниковъ, другихъ лѣтописей: отношу сюда Тверскую, Воскресенскую лѣтописи. Наконецъ, третьи подробно и точно передаютъ Новгородскій изводъ, но также дополняютъ его изъ другихъ памятниковъ: это Никоновская лѣтопись. Въ виду того, что въ основаніи редакцій Новгородскаго извода первой и второй категоріи лежитъ однородное, а можетъ быть и тожественное, сокращеніе Новгородскаго извода, мы можемъ раздѣлить всѣ редакціи этого извода на двѣ главныя группы: къ 1-ой относятся тѣ редакціи, которыя основаны на сокращеніяхъ Новгородскаго извода: здѣсь различаемъ простыя сокращенія (Софійскія, Новгородская 4-ая) отъ смѣшанныхъ редакцій, новыхъ лѣтописныхъ сводовъ (Тверская, Воскресенская); ко 2-ой относится редакція, основанная на полномъ и первоначальномъ видѣ Новгородскаго извода (Никоновская лѣтопись).

Мы указали выше на тѣ части Никоновской лѣтописи, которыя могутъ или должны восходить къ Новгородскому изводу: впрочемъ, мы останавливались только на Повѣсти временныхъ лѣтъ и выставили положеніе, что все то, что не могло быть заимствовано въ нее изъ хронографа и изъ Лаврентьевскаго списка, восходитъ къ Новгородскому изводу. То же положеніе слѣдуетъ распространить на слѣдующую за Повѣстью временныхъ лѣтъ часть въ предѣлахъ до середины XIII вѣка (приблизительно). Основой разказа оказывается текстъ весьма близкій къ Лаврентьевскому списку, но думаю, что онъ попалъ въ Никоновскую лѣтопись не изъ него, а именно изъ Новгородскаго извода середины XIII вѣка, соединившаго, какъ было раньше указано, текстъ Новгородской 1-ой лѣтописи съ текстомъ другой лѣтописи, содержавшей въ первой части своей Повѣсть временныхъ лѣтъ второй редакціи, а во второй Суздальскій сводъ, доведенный до первыхъ десятилѣтій XIII вѣка. Такъ напримѣръ, извѣстіе 1132 г. о надѣленіи Ярополкомъ Владимировичемъ и его братьями племянника ихъ Изяслава Мстиславича городами Туровомъ, Дречевомъ и Пинскомъ попало въ Никоновскую лѣтопись не изъ Лаврентьевскаго списка. что видно изъ того, что въ Лаврентьевскомъ нѣтъ

въ разказѣ, сюда относящемся, названія города Дрочева. То же слѣдуетъ сказать объ извѣстіяхъ 1137 года о поставленіи епископовъ Мануила и Оелора: ни въ Лаврентьевской, ни въ Ипатьевской нѣтъ указаній на то, что событія эти имѣли мѣсто 26-го апрѣля и 6-го мая. При смерти Всеволода Мстиславича указано, что она случилась въ 1138 году 11-го февраля, въ четвергъ на масляной недѣлѣ: этого опредѣленія нѣтъ въ Лаврентьевской, но оно есть въ Ипатьевской, Тверской, Новгородской 4-ой, и, судя по этимъ послѣднимъ лѣтописямъ, находилось и въ Новгородскомъ изводѣ середины XIII вѣка. Въ Лаврентьевской (такъ же какъ въ Ипатьевской) не указанъ день смерти Всеволода Городецкаго — 1-ое февраля 1141 года; тамъ же не находимъ дня смерти Владимира Андреевича: 28-го января 1171 г., Глѣба Юрьевича 6-го сентября 1172 г. и др. Въ извѣстіи 1159 г. о построеніи Андреемъ Боголюбскимъ церкви св. Богородицы во Владимирѣ находимъ подробность, отсутствующую въ Лаврентьевской, а именно. что церковь была выстроена „о единомъ версѣ“; въ Ипатьевской читаемъ „о пяти верхахъ“, но въ Никоновской ниже, подъ 1212 г., указывается, что четыре верха къ выстроенной Андреемъ церкви были приставлены его братомъ Всеволодомъ Юрьевичемъ: „о единомъ версѣ“, равно и извѣстіе 1212 года, находимъ и въ Тверской, Воскресенской, а первое извѣстіе, кромѣ того, въ Софійской 1-ой, Новгородской 4-ой: отсюда заключаемъ, что они попали въ Никоновскую изъ Новгородскаго извода. Извѣстіе 1154 года, двукратно читаемое въ Никоновской, о рожденіи Всеволода Юрьевича въ мѣстечкѣ на рѣкѣ Лхромѣ, пошло въ него изъ Новгородскаго извода: сравните то же извѣстіе въ Софійской 1-ой, Новгородской 4-ой, Воскресенской, Тверской; въ послѣдней сохранилось даже число 19-ю октября, читавшееся, вѣроятно, и въ Новгородскомъ изводѣ; въ Лаврентьевской, Ипатьевской этого извѣстія нѣтъ. Изъ этихъ и другихъ подобныхъ извѣстій и подробностей мы заключаемъ, что основаніе лѣтописнаго разказа Никоновской лѣтописи заимствовано изъ Новгородскаго извода, который въ числѣ источниковъ пользовался Суздальскимъ сводомъ, весьма близкимъ по составу и содержанию къ Лаврентьевской и сходнымъ лѣтописямъ. Сравнивая Лаврентьевскій списокъ съ Никоновскою лѣтописью, а именно со всеми списками ея, кромѣ Лаптевскаго и Толстовскаго, впоследствии дополненныхъ на основаніи Воскресенской лѣтописи, мы замѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи рядъ мѣстъ, общихъ съ Ипатьевскою и сходными лѣтописями и при томъ отсутствующихъ въ Лавренть-

евской и сходныхъ лѣтописяхъ. Такія мѣста видимъ, напримѣръ, подъ 1145 и 1146 годами въ разказѣ объ убіеніи Игоря Ольговича, или, напримѣръ, подъ 1156 въ повѣсти о смерти Нифонта или, напримѣръ, въ лѣтописной статьѣ 1159 года о распрѣ между Ростиславомъ Мстиславичемъ и Святославомъ Ольговичемъ и т. д.; не говорю уже о мелкихъ подробностяхъ, общихъ между Никоновскою и Ипатьевскою лѣтописью и отличающихъ ихъ отъ Лаврентьевской. Я думаю, мы не имѣемъ основанія возводить такія мѣста Никоновской лѣтописи непосредственно къ Ипатьевской или сходнымъ съ нею лѣтописямъ; рядъ соображеній наводитъ на мысль о томъ, что и эти мѣста, и эти подробности попали въ Никоновскую лѣтопись изъ Новгородскаго извода, при чемъ въ Новгородскій изводъ они заимствованы не непосредственно, а путемъ того же Суздальскаго свода XIII вѣка, нѣсколько чтеній котораго мы только что привели. Соображенія наши сводятся къ слѣдующимъ. Во-первыхъ, естественнѣе думать, что указанныя раньше особенности, какъ напримѣръ обозначеніе дней смерти Всеволода Городецкаго или поставленія епископа Мануила Смоленскаго, заимствованы въ Новгородскій изводъ изъ того же источника, что подробности объ убіеніи Игоря Ольговича или указаніе на *8-е марта* 1169 года при взятіи Кіева (согласно съ Ипатьевской), чѣмъ допустить наличность двухъ источниковъ у составителя Новгородскаго извода одного: — неизвѣстнаго намъ происхожденія и состава, другаго—лѣтописи тождественной или сходной съ Ипатьевскимъ сводомъ. Во-вторыхъ, среди мѣстъ особенно близкихъ къ Ипатьевскому своду мы найдемъ подробности, ясно доказывающія, что они попали въ Новгородскій изводъ не изъ него. Такъ напримѣръ въ извѣстіи о смерти Ивана Юрьевича подъ 1145 годомъ (этого извѣстія нѣтъ въ Лаврентьевской) указано не 24-е февраля, понедѣльникъ на ночь масляной недѣли, а 29-го марта, причемъ при названіи города „въ Любинцѣ“ (въ Ипатьевской: въ Лобыньскѣ) прибавлено „Амосовѣ“. Въ разказѣ 1159 г., весьма сходномъ съ соответствующими статьями Ипатьевскаго свода, находимъ нѣсколько рѣчей князей и дружины, а также и фактическихъ подробностей, отсутствующихъ въ Ипатьевскомъ сводѣ. Въ разказѣ 1167 г. въ Ипатьевской названы въ числѣ бояръ, сѣявшихъ вражду между Мстиславомъ Изяславичемъ и Давыдомъ Ростиславичемъ, Петръ и Нестеръ Борисовичи (с. 370); въ Никоновской находимъ: Петра Борисовича, Нестора Жидиславича и Якова Дигеневича. Въ-третьихъ—и это соображеніе совершенно исключаетъ возможность предположить, что

составитель Никоновскаго списка былъ непосредственно знакомъ съ Ипатьевскимъ сводомъ—многія изъ указанныхъ и другихъ подобныхъ имъ мѣстъ встрѣчаемъ въ Тверской, а также Софійской 1-ой, Новгородской 4-ой лѣтописяхъ. Такъ, подъ 1147 годомъ мы читаемъ въ Ипатьевской: „в то же веремя выбѣгоша посадничіи Володимери Изяслави изъ Вятичь, изъ Брянска, и изъ Мьченска, и изъ Блече (Хлѣбниковскій изъ Блове); и оттуда иде Девягорьску, иде заемъ вси Вятичи и до Брянскъ и до Воробинь, Подесьнѣ, Домагоць и Мценскъ... и оттуда идоша Мцьнеску... и ту даявъ имъ (половцамъ) дары многы, и поиде къ граду (въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ къ *Кромѹ*) на Изяславича“. Въ Никоновской въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ (стр. 173): „онъ же собра воиства, и шедъ взя грады Вятичи, и Брянскъ, и *Обловескъ*, и Ревягорескъ и *Доробинескъ* по Деснѣ рѣцѣ, и Домогощъ, и приде къ Мьченску, и поиде къ *Хромѹ* (х кромѹ) на князя *Изяслава Давыдовича*“. Въ Тверской (208): „онъ же зая всѣ Вятичи, и Брянецъ, *Обловескъ*, Девягорескъ и до Воробины по Деснѣ, и Домогощи, и приде къ Мьченску, и поиде къ *Хромѹ* на *Изяслава Давыдовича*“. Я думаю, что сравненіе этихъ мѣстъ ясно показываетъ, что Никоновская и Тверская заимствуютъ ихъ изъ одного общаго источника и при томъ не изъ Ипатьевскаго свода, что ясно изъ названія города *Обловескъ* въ соотвѣтствіи съ изъ блече (изъ блове) Ипатьевской, и изъ имени Изяслава Давыдовича, вмѣсто котораго въ Ипатьевской „Изяславича“. Въ Ипатьевской подъ 1146 г. (стр. 237 — 238) читаемъ, что Изяславъ Давыдовичъ, испросившись у Изяслава Мстиславича и у Володимира Мстиславича, отправился въ погоню за Святославомъ Ольговичемъ, бѣжавшимъ къ Карачеву. Въ Тверской (207) и Никоновской (170) указано число войска, бывшаго въ распоряженіи Изяслава Давыдовича (по Тверской 3000, по Никоновской 14 тысячъ) и приведена тожественная фраза, которой нѣтъ въ Ипатьевской: „хотя рукама изымати его и всѣхъ иже съ нимъ“. Далѣе въ Ипатьевской стоитъ: „Святославъ же сгадавъ с братьею и с Половци ...изиде въ срѣтение ему“. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Тверской: „и погадавъ з братіею, Иваномъ Юрѣвичемъ Долгорукого, и съ сыновцемъ своимъ Иваномъ Ростиславичемъ и Володимеромъ Святославичемъ, и съ Половци, иде противу ему“; въ Никоновской: „Князь же Святославъ Ольговичъ (пропущено погадавъ) съ княземъ Иваномъ Юрѣвичемъ и со княземъ Иваномъ Ростиславичемъ, и со княземъ Володимеромъ Святославичемъ, и съ *Половецкимъ княземъ Емзасю*, и съ Половци и иде про-

тиву князя Изяслава Давыдовича". Ясно, что и въ этомъ мѣстѣ Тверская ближе къ Никоновской, чѣмъ обѣ эти лѣтописи къ Ипатьевской и что онѣ указываютъ на другой первоисточникъ, чѣмъ Ипатьевскій сводъ (ср. указаніе на число войска Изяслава Давыдовича и имя Емгази въ Никоновской). Подъ 1123 годомъ въ Ипатьевской читаемъ: „п Володимеру не поспѣвшю ис Кіева“, въ Никоновской: „Володимеръ Манамахъ, собирая вой въ Кіевѣ, и не успѣ помощи ему послати вскорѣ ис Кіева“, въ Тверской: „а князю великому воемъ събирающу, и не успѣ послати ему помощи ис Кіева“. Ниже, по поводу смерти Ярославъ Святополчича—плачь дружины и благочестивыя размышленія въ Никоновской изложены совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Ипатьевской. Подъ 1160 годомъ въ Никоновской лѣтописи, вслѣдъ за разказомъ, весьма близкимъ къ Ипатьевскому своду, находимъ нѣсколько подробностей, сопровождавшихъ смерть раненаго въ битвѣ Изяслава Давыдовича: къ нему подошелъ Мстиславъ Изяславичъ и началъ причитать надъ нимъ. Изяславъ спросилъ воды, тогда побѣдители Мстиславъ и Ростиславъ Изяславичи дали ему вина; онъ попросилъ опять воды, но ему дали вина и онъ уснулъ вѣчнымъ сномъ. Этихъ подробностей нѣтъ въ Ипатьевскомъ сводѣ, но мы находимъ ихъ не только въ Тверской и Воскресенской лѣтописяхъ, но также въ Новгородской 4-ой и Софійской 1-й, при чемъ въ двухъ послѣднихъ опущено мѣсто, гдѣ говорилось о томъ, что Изяславъ просилъ воды, а ему дали вина.

Въ силу всѣхъ указанныхъ выше соображеній, а въ особенности въ виду только что приведенныхъ и другихъ имъ подобныхъ мѣстъ, я заключаю, что ни составитель Никоновской лѣтописи, ни составитель Новгородскаго извода не были непосредственно знакомы съ Ипатьевскимъ сводомъ, а также и то, что тѣ мѣста Никоновской лѣтописи, которыя сходны съ Ипатьевскимъ сводомъ, попали въ нее изъ Новгородскаго свода, а въ этотъ послѣдній заимствованы изъ Суздальскаго свода XIII вѣка, куда они вошли изъ источника сходнаго, но не тождественнаго съ Ипатьевскимъ сводомъ, а правильнѣе изъ общаго съ Ипатьевскимъ сводомъ источника. Итакъ статьи Никоновской лѣтописи въ предѣлахъ 1111 и слѣдующихъ годовъ а) сходныя съ Лаврентьевскими, б) сходныя съ Ипатскими, в) несходныя ни съ тѣми, ни съ другими—попали въ нее изъ одного общаго источника: Новгородскаго извода середины XIII вѣка. Изъ того же источника заимствованы въ Никоновскую лѣтопись статьи извѣстныя, изъ Нов-

городской 1-ой лѣтописи. Новгородскій изводъ середины XIII вѣка первая изъ этихъ статей заимствовалъ изъ Суздальскаго свода XIII вѣка, а вторая изъ Новгородской 1-ой лѣтописи.

Возвращаясь къ вопросу о составѣ Новгородскаго извода XIII вѣка, мы видимъ, что главный источникъ нашего знакомства съ нимъ—это Никоновская лѣтопись. Но не менѣе важными источниками для восстановления Новгородскаго извода XIII вѣка должны быть признаны Софійскія, Повгородская 4-ая, Воскресенская и Тверская лѣтописи. Всѣ эти лѣтописи, какъ замѣчено выше, основываются на сокращенной редакціи Новгородскаго извода. Какъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и въ слѣдующей части этихъ лѣтописныхъ сводовъ, между всѣми ими оказывается рядъ общихъ статей и общихъ чтеній, отличающихъ ихъ отъ Никоновской лѣтописи и слѣдовательно отъ первоначальной редакціи Новгородскаго извода. Такъ подъ 866 годомъ въ Никоновской читаемъ: „съ плачемъ и съ слезами многими“, въ Воскресенской, Тверской, Софійской 1-ой: „съ пѣснями и съ плачемъ“, ср. Лаврентьевская и Ипатьевская „съ пѣснями“; подъ 912 въ Никоновской (а также въ Лаврентьевской, Ипатьевской): „на *удръжаніе* и на *извѣщеніе*“, въ Софійской 1-ой, Тверской, Воскресенской: на „утврженіе и извѣщеніе (освященіе)“; тамъ-же: въ Никоновской „на сохраненіе быти и прочихъ лѣтъ съ вами“, въ Воскресенской, Тверской, Софійской 1-ой, Софейской между „прочихъ“ и „лѣтъ“ вставлено „и воину (вину)“, въ Лаврентьевской, Ипатьевской: „и всегда“. Подъ 955 въ Никоновской „и заповѣда ей о церковномъ *уставѣ*“ (тоже въ Новгородской 1-ой, Лаврентьевской, Ипатьевской), въ Воскресенской, Тверской, Софійской 1-ой, Софейской „о церковномъ чину“. Подъ 968: въ Никоновской (тоже въ Новгородской 1-ой, Лаврентьевской, Ипатьевской): „съ дружиною своєю“, въ Воскресенской, Тверской, Софейской 1-ой, Софійской „съ бояры своими“. Подъ 983 годомъ въ Никоновской: „и бѣ у него сынъ *младъ*“, въ Воскресенской, Тверской, Софійской 1-ой, Софейской: „и бѣ у него сынъ Иванъ“. Подъ 986 въ Воскресенской, Тверской, Софійской 1-ой, Софейской философъ, бесѣдовавшій съ Владимиромъ, вопреки Никоновской, Лаврентьевской и другимъ, не знающимъ его имени, названъ Кирилломъ. Въ разказѣ объ убіеніи Бориса и Глѣба въ Воскресенской, Тверской, Софійской 1-ой, Софейской видимъ рядъ вставокъ изъ житія ихъ, вставокъ, которыхъ нѣтъ въ Никоновской,

Лаврентьевской и другихъ лѣтописяхъ. Подъ 1022 годомъ въ Воскресенской, Тверской, Софійской 1-ой, Софейской опущены слова: „и землю мою“, читаемая въ Никоновской, Лаврентьевской и др. Подъ 1024 въ указанныхъ лѣтонисяхъ при извѣстіи о томъ, что Якунь удалился за море, прибавлено: „и тамо умре“; этихъ словъ нѣтъ въ Никоновской, Лаврентьевской и др. Подъ 1034 годомъ слово дружину (Никоновская и др.: „и исполни дружину“) замѣнено словомъ: „вол“; вмѣсто „бѣ бо тогда поле вѣтъ града“ въ Воскресенской, Софійской 1-ой, Софейской находимъ *половина* града, а въ Тверской *полъ* града. Подъ 1072 годомъ въ разказѣ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба находимъ рядъ вставокъ, которыхъ нѣтъ не только въ Никоновской, но также въ Новгородской 4-ой лѣтописи и т. д. Всѣ указанные мѣста и сотни имъ подобныхъ доказываютъ существованіе такой измѣненной и сокращенной редакціи Новгородскаго извода XIII вѣка, изъ которой произошли Софійскія и другія сходныя съ ними лѣтописи. Въ лѣтописяхъ, основанныхъ на указанной сокращенной редакціи Новгородскаго извода, надо различать, какъ мы видѣли: 1) такія лѣтописи, которыя не пользовались другими источниками, кромѣ Новгородскаго извода: сюда относятся, напримѣръ, Софійская 1-ая и Софейская, при чемъ, разумѣется, нельзя принимать во вниманіе нѣкоторыхъ единичныхъ поправокъ, извѣстій и статей, появившихъ въ эти лѣтописи изъ другихъ источниковъ; 2) лѣтописи, составленныя на основаніи сокращенной редакціи Новгородскаго извода, но дополненныя заимствованиями изъ другихъ источниковъ: таковы Воскресенская и Тверская лѣтописи. Считаю не лишнимъ остановиться на вопросѣ объ источникахъ названныхъ лѣтописей: выдѣливъ заимствования изъ этихъ другихъ источниковъ, мы увидимъ, что могутъ дать эти лѣтописи собственно для возстановленія Новгородскаго извода XIII вѣка.

Замѣчу прежде всего, что составители Воскресенской и Тверской лѣтописей пользовались одною общею сокращенной редакціею Новгородскаго извода, отличавшеюся, напримѣръ, отъ той сокращенной же редакціи, которая лежитъ въ основаніи Софійской 1-ой лѣтописи. Это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ обѣихъ лѣтописяхъ видимъ рядъ общихъ чтеній: такъ подъ 1043 годомъ только въ нихъ при имени Казимира прибавлено „Болеславича (Болеслави сына) Лятсково“; подъ 991 годомъ въ обѣихъ лѣтописяхъ является заглавіе: „о Бѣлгородѣ иже у Кіева близъ“; подъ 1034 годомъ, при сообщеніи о рожденіи Вячеслава Ярославича, Тверская и

Воскресенская прибавляютъ, что это былъ пятый сынъ Ярослава; подъ 1097 годомъ, противъ другихъ списковъ, къ словамъ, обращеннымъ князьями къ Святополку, прибавлена фраза: „а мы кровопролитія не хотимъ“; подъ 1099 годомъ Ярославъ названъ Ярославцемъ, а послѣ словъ „видѣша крестъ надъ Василковы вои“ прибавлено: „на облацѣ“; подъ 1106 годомъ въ извѣстїи о постриженїи Святоши передъ именемъ Никола вставлено: „и бысть имя ему во иноческомъ чину“. Подъ 991 въ Воскресенской и Тверской находится извѣстїе о поставленїи въ Ростовѣ дубовой церкви епископомъ Ѳеодоромъ и т. д.

Тверская лѣтопись эту сокращенную редакцію Новгородскаго извода XIII вѣка дополнила (въ части до середины XIII вѣка) изъ какой-то Суздальской лѣтописи, доведенной вѣроятно лишь до 1206 года (ср. Радзивилловскїй списокъ, оканчивающїйся этимъ годомъ). Эта лѣтопись принадлежала по своему составу къ одной категорїи съ Радзивилловскимъ, Академическимъ и Переяславскимъ списками Суздальской лѣтописи, обнаруживая рядъ чтенїй, сближающихъ ее съ названными памятниками и отличающихъ отъ Лаврентьевскаго списка; въ частности же чтенїя этой лѣтописи сходились съ Переяславскимъ спискомъ: впрочемъ, это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Радзивилловскїй и Академическїй списки сократили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свой оригиналъ, въ части до 1206 сходный съ Переяславскою лѣтописью. Такъ, подъ 1206 годомъ въ Тверской и въ Переяславской при 19 марта, днѣ кончины Марїи Шварновой, жены Всеволода, читаемъ „на память св. мученику Хрисанфа и Дарїи“, чего нѣтъ въ Радзивилловскомъ и Академическомъ; выше въ разказѣ о ея постриженїи, при словахъ „въ монастыри святыи Богородица“, въ Тверской и Переяславской прибавлено: „иже бѣ сама създаѣ“, чего нѣтъ въ Радзивилловскомъ и Академическомъ. Замѣчу тутъ же, что въ Лаврентьевской (а также въ Воскресенской и Никоновской) нѣтъ особой статьи о постриженїи Марїи 2 марта 1206, читаемой въ Радзивилловскомъ, Академическомъ, Переяславской и Тверской, при чемъ въ послѣдней есть лишніи подробности противъ трехъ остальныхъ, напримѣръ о томъ, что Марїя—дочь Шварна Чешскаго, что она прибыла въ Россїю не крещеною и т. д. Это извѣстїе, а также разказъ о смерти Марїи оказываются послѣдними статьями Тверской лѣтописи, гдѣ сказалось вліяніе Суздальской лѣтописи, сходной съ Радзивилловской и Переяславскою: вотъ почему я предположилъ, что въ распоряженїи тверскаго лѣтописца находилась лѣтопись, оканчивавшаяся именомъ 1206 годомъ. Отмѣчу еще нѣсколько заимствованїй изъ этой лѣ-

тописи: подъ 1205 годомъ упоминается о смерти Владимира Юрьевича, внука Ярослава Святославича, въ Муромѣ, о ней говорится и въ Радзивиловскомъ, Академическомъ (а также въ Воскресенской, но не въ Лаврентьевской), но только въ Тверской и Переяславской указавъ день смерти Владимира—18 декабря. Подъ 1188 годомъ въ Тверской, согласно Радзивиловскаго, Академическаго, Переяславской, число, когда случилась необыкновенная гроза—7 февраля: въ Лаврентьевской 17 февраля (въ Воскресенской этого извѣстія нѣтъ); пожаръ во Владимирѣ согласно Тверской, Радзивиловскаго, Академическаго, Переяславской (а также Ипатьевской) случился въ 1185 году 13-го апрѣля, между тѣмъ по Лаврентьевской и Воскресенской 18-го апрѣля (въ Никоновской 17-го апрѣля). Подъ 1176 годомъ въ Лаврентьевской, Воскресенской и Никоновской: „бывшу ему на Мерьской“, въ Тверской, Радзивиловскомъ, Академическомъ, Переяславской: „бывшу ему на Москвѣ“. Подъ 1175 годомъ въ Радзивиловскомъ, Переяславской, Тверской ошибочно: *повабленъ* Ростиславичи, вмѣсто *пограбленъ* Ростиславичи, какъ въ Лаврентьевской, *пограбленъ* Ольговичи, какъ въ Ипатьевской (въ Воскресенской и Никоновской это мѣсто опущено). Подъ 1164: въ Тверской „и почаша цѣловати вся съ слезами“, въ Радзивиловскомъ, Академическомъ: „и почаша цѣловати святу Богородицу“, въ Лаврентьевской, Воскресенской опущено. Пользованіе составителемъ Тверской лѣтописи указанною Суздальскою лѣтописью, сходною съ Радзивиловскимъ, Переяславскимъ списками, объясняетъ намъ присутствіе въ Повѣсти временныхъ лѣтъ по списку Тверской лѣтописи ряда общихъ мѣстъ частью съ одними Радзивиловскимъ, Академическимъ списками, а частью въ случаяхъ, гдѣ онъ сходится съ ними, и со спискомъ Лаврентьевскимъ. Подъ 862 годомъ извѣстіе Тверской лѣтописи о томъ, что Рюрикъ послѣ смерти Синеуса и Трувора „*стде въ Новгородъ въ Великомъ*“ слѣдуетъ сопоставить съ разказомъ Радзивиловскаго, Академическаго и Переяславскаго списковъ (несходнымъ съ разказомъ Лаврентьевской) о томъ, что Рюрикъ построилъ Новгородъ и поселился въ немъ только послѣ смерти своихъ братьевъ. Подъ 852 годомъ только въ Тверской и Переяславской лѣтописяхъ къ словамъ „наченію Михаилу царствовати“ прибавлено: „въ Цариградѣ“. Подъ 862 годомъ находимъ въ Тверской слова, которыхъ нѣтъ въ Софійской, Воскресенской: („по тѣмъ городомъ суть) *находничи варязи*“, эти слова читаются въ Радзивиловскомъ, Лаврентьевской (и Ипатьевской); то же относится къ словамъ: „Варягы, Чюдь, Славяне, Веси, Кривичи“ подъ 882 годомъ, и къ имени „Съверянь“ подъ

885 годомъ. Подъ 898 годомъ только Радзивиловскій списокъ, Переяславская, Лаврентьевская и Тверская лѣтописи при словахъ „живущая ту“ прибавляютъ: „Волохи и Словѣни“. Весьма любопытны исправленія текста договоровъ съ греками въ Тверской лѣтописи согласно Суздальской лѣтописи: подъ 907 „на Смоленскъ“ читается только въ Тверской и Переяславской (въ Радзивиловскомъ и Ипатьевской этого города не указано); въ договорѣ 912 года слова „да не кленется часемъ (вмѣсто часть та) иже иицеть неитью иѣри“ находимъ въ Тверской, Радзивиловскомъ (гдѣ вмѣсто да не кленется—да кленется) и Ипатьевской; слова „да аще въ кое время елико ихъ придетъ и хотятъ остати у царя нашего“ читаемъ только въ Тверской, Радзивиловскомъ и Ипатьевской: во всѣхъ остальныхъ спискахъ они опущены; въ договорѣ 945 года слова „или (вмѣсто съли) слобное, а госте мѣсячно“, „а та страна не покоряется вамъ. Когда ли, аще просить вой отъ насъ князь русскій“, „также и Гречинъ Русину“ читаются только въ Тверскомъ, Радзивиловскомъ, Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ спискахъ и отсутствуютъ въ Софійской, Воскресенской и другихъ.

Признавъ такимъ образомъ, что вторымъ источникомъ составителя Тверской лѣтописи была Суздальская лѣтопись, доведенная до 1206 г., и близкая къ Переяславскому, Радзивиловскому и Академическому спискамъ, обращаемся къ вопросу, не слѣдуетъ ли допустить непосредственное знакомство составителя этой лѣтописи, жителя одной изъ ростовскихъ весей, работавшаго надъ своимъ сводомъ въ 1533 году, съ Новгородскою 1-ю лѣтописью. Въ Тверской лѣтописи на всемъ пространствѣ XII и слѣдующаго XIII вѣка вплоть до 1256 года находимъ рядъ общихъ мѣстъ съ Новгородскою 1-ю лѣтописью; ихъ такъ много, новгородскія событія передаются такъ полно и точно, что само собою является предположеніе о томъ, что эти статьи попали въ Тверскую лѣтопись непосредственно изъ одного изъ списковъ Новгородской 1-й лѣтописи. Но я нахожу болѣе вѣроятнымъ допустить, что всѣ новгородскія извѣстія заимствованы въ Тверскую лѣтопись не прямо изъ Новгородской 1-ой лѣтописи, а изъ основнаго источника этой лѣтописи—изъ Новгородскаго извода XIII вѣка, соединившаго, какъ мы видѣли, Новгородскую 1-ую лѣтопись съ Суздальскимъ сводомъ XIII вѣка. Къ этому предположенію приводитъ между прочимъ слѣдующія соображенія. Уже выше, разсматривая Повѣсть временныхъ лѣтъ по Новгородскому изводу, мы замѣтили, что въ основаніи извода лежитъ не Суздальскій сводъ, а Новгородская 1-ая

лѣтописъ. Вотъ почему въ Новгородскомъ изводѣ (что такъ ясно изъ Никоновской лѣтописи) статьи, общія Новгородской 1-ой лѣтописи (Начальному своду) съ Повѣстью временныхъ лѣтъ, читались ближе къ Новгородской 1-й лѣтописи, чѣмъ къ Суздальскому своду. Если такимъ образомъ Новгородская 1-ая лѣтопись оказывается основнымъ источникомъ для Новгородскаго извода, ясно, что ея содержаніе было передано въ Новгородскомъ изводѣ возможно точно и полно. Слѣдовательно, естественно допустить, что въ ней читались всѣ тѣ новгородскія извѣстія, которыя находимъ у тверскаго лѣтописца, и что слѣдовательно этотъ лѣтописецъ заимствовалъ ихъ не прямо изъ Новгородской 1-ой лѣтописи, а изъ Новгородскаго извода XIII вѣка. Помимо этихъ общихъ соображеній, на ту же мысль наводятъ нѣкоторыя частныя подробности; приведу одну изъ нихъ. Разсматривая различныя редакціи Повѣсти о взятіи Царяграда Латинами. А. Н. Поповъ въ Обзорѣ хронографовъ русской редакціи, I с. 93, указалъ на то, что изъ всѣхъ списковъ этой Повѣсти только Тверская лѣтопись представляетъ исправное чтеніе одного мѣста. А именно въ спискахъ Новгородской 1-ой лѣтописи, Софійской, Воскресенской частью опущены, а частью переставлены слова: „онъ же посла къ нимъ многы фрязовъ, рекъ: аще въсхотятъ его, то посадите его на царствѣ, аще ли не восхотятъ то пришлите его ко мнѣ“. Эти слова читаются въ Тверской лѣтописи; они же безусловно читались и въ первоначальномъ спискѣ Повѣсти. Слѣдовательно, заключаемъ мы, Повѣсть эта попала въ Тверскую лѣтопись не изъ списковъ Новгородской 1-ой лѣтописи, а очевидно изъ того оригинала, откуда она заимствована, какъ въ эти списки, такъ и въ Софійскую 1-ую и др. лѣтописи. Въ Никоновской лѣтописи (по всѣмъ спискамъ, кромѣ Лаптевскаго) видимъ соответствующее мѣсто, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, что зависѣло отъ того, что Повѣсть передана здѣсь въ сокращеніи. Изъ всего предыдущаго я заключаю, что въ Тверскую лѣтопись попали изъ Новгородскаго извода не только новгородскія извѣстія, но также Повѣсть о взятіи Царяграда; что Повѣсть эта читалась въ Новгородскомъ изводѣ въ болѣе первоначальномъ видѣ, чѣмъ въ Новгородской 1-й лѣтописи; что слѣдовательно, въ распоряженіи составителя Новгородскаго извода была такая редакція Новгородской 1-й лѣтописи, въ которой еще не находилась эта Повѣсть; наконецъ, что Повѣсть эта заимствована въ списки Новгородской 1-ой лѣтописи изъ Новгородскаго извода. Изученіе Тверской лѣтописи приводитъ насъ еще къ одному важному выводу. Новго-

родскія извѣстія прекращаются въ ней 1256 годомъ: слѣдовательно, подъ тѣмъ же годомъ они прекращались въ Новгородскомъ изводѣ XIII вѣка; слѣдовательно, Новгородскій изводъ составленъ около этого же времени или продолженъ до этого года. Въ виду важности этого вывода какъ въ вопросѣ, насъ въ настоящее время занимающемъ, такъ и вообще по отношенію къ лѣтописанію въ Новгородѣ, считаю не лишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ необходимыхъ слѣдствіяхъ изъ него.

Отмѣчу прежде всего, что Тверская лѣтопись даетъ прямое указаніе на то, что въ распоряженіи ея составителя находился лѣтописный источникъ, доведенный именно до 1256 года. Вслѣдъ за разказомъ, относящимся къ этому году и оканчивающимся словами: „того же лѣта даша посадничество Михаилу Степановичю“, находимъ рядъ извѣстій, относящихся къ 1247 и слѣдующимъ годамъ. Отсюда и раньше меня сдѣланъ выводъ, что одинъ изъ источниковъ Тверской лѣтописи оканчивался 1256 годомъ; списавъ его, составитель обратился къ другому источнику, гдѣ оказались извѣстія, не помѣщенные въ предыдущій разказъ (см. статью Тихомирова въ *Журналъ Министертва Народнаго Просвѣщенія* 1876, декабрь). Въ статьѣ о Начальномъ Киевскомъ сводѣ я сдѣлалъ отсюда дальнѣйшій выводъ, что составитель Тверской лѣтописи пользовался такою редакціею Новгородской 1-ой лѣтописи, которая была доведена до 1256 года. Но теперь я вижу, что такой выводъ былъ ошибоченъ и что 1256 годомъ оканчивался дѣйствительный источникъ Тверской лѣтописи, опредѣленный здѣсь,—Новгородскій изводъ XIII вѣка. Если, согласно предыдущему, именно въ немъ, а не въ Новгородской 1-ой лѣтописи, былъ помѣщенъ древнѣйшій списокъ Повѣсти о взятіи Царяграда, то въ немъ же должно было находиться витиеватое предисловіе, сохранившееся въ Софійской, Софійской 1-ой, Новгородской 4-й, Воскресенской и Тверской лѣтописяхъ, предисловіе, начинающееся словами „Икоже древле Ромъ постави полату“ и оканчивающееся фразой: „мы же отъ начала русской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила царя до Александра и Исакія“. *Александра* стоитъ вмѣсто *Алексы*, и слѣдовательно послѣднія слова указываютъ на то, что въ концѣ свода была помѣщена Повѣсть о взятіи Царяграда при греческихъ царяхъ Алексіи и Исакіи. Повидимому, слѣдуетъ думать, что предисловіе это написано составителемъ Новгородскаго извода; списавъ вводныя нелѣтописныя статьи изъ Суздальскаго свода, приступивъ къ погоднымъ записямъ, онъ предпослалъ своему труду предисловіе. Изъ словъ „его же (Кія) древле перевозника бывша на-

рицають“ видно, что предисловіе руководствовалось не одною только Новгородскою 1-ю лѣтописью, гдѣ не упоминается о преданіи, что Кій былъ перевозникомъ, но также и Повѣстью временныхъ лѣтъ. Поэтому теперь мнѣ, вопреки высказанному раньше въ статьѣ о Начальномъ Кіевскомъ сводѣ, представляется вѣроятнымъ, что 1) въ концѣ XII вѣка былъ составленъ 1-й Новгородскій лѣтописный сводъ, доведенный до 1200 года, 2) вслѣдствіе утраты этимъ 1-ымъ сводомъ своего начала, возникъ 2-ой Новгородскій лѣтописный сводъ, доведенный до тридцатыхъ или начала сороковыхъ годовъ XIII столѣтія. 3) этимъ вторымъ сводомъ воспользовался около 1250 года составитель Новгородскаго извода: онъ соединилъ его съ Суздальскимъ сводомъ, а лѣтопись новгородскихъ событій довелъ до 1256 года; вслѣдъ за лѣтописнымъ разказомъ онъ помѣстилъ нѣсколько повѣстей историческаго содержания, какъ то повѣсть о Калкской битвѣ, о нашествіи татаръ, о злодѣяннѣ Глѣба рязанскаго и наконецъ Повѣсть о взятіи Царяграда латинами. Впослѣдствіи этотъ изводъ былъ обособленъ еще другими повѣстями, изъ которыхъ отиѣтямъ Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ. На основаніи этого извода дополненъ былъ 2-ой Новгородскій сводъ, списавшій изъ него какъ рядъ лѣтописныхъ замѣтокъ, такъ и историческія повѣсти, а въ началѣ предисловіе съ заглавіемъ „Временникъ“. Этотъ второй Новгородскій сводъ въ первоначальномъ, необработанномъ видѣ далъ матеріалъ для продолженія 1-го Новгородскаго свода (Синодальнаго списка), прерванаго на 1200 году. Въ 70-хъ или 80-хъ годахъ пишется пономаремъ Тимоеемъ вторая часть Синодальной рукописи, дошедшая до насъ не вполне: Тимоеемъ списываетъ 2-ой Новгородскій сводъ и вставляетъ въ него повѣсти, находившіяся въ концѣ этого свода. Впослѣдствіи является новая редакція 2-го Новгородскаго свода, въ которой повѣсти изъ конца свода переносятся подъ соответствующіе года. Этимъ путемъ легко объясняется, какъ попали въ Новгородскую 1-ую лѣтопись повѣсти, какъ напримѣръ о злодѣйствѣ Глѣба рязанскаго (является только въ 1-мъ сводѣ) или о Калкской битвѣ: онѣ восходятъ къ Новгородскому изводу XIII вѣка, а въ Новгородскій изводъ онѣ попали изъ Суздальскаго свода XIII вѣка; также объясняются извѣстія о взятіи Кіева въ 1203 г., о походѣ русскихъ князей Рюрика, Романа, Мстислава и другихъ на Половцевъ въ томъ же году (это извѣстіе попало только во 2-ой сводъ, а въ 1-мъ его нѣтъ), о побѣдѣ Ольговичей надъ Литвой (въ 1-мъ сводѣ подъ 1203, а во второмъ подъ 1204 годомъ) и другія.

Въ виду того, что настоящее изслѣдованіе выяснило принадлежность упомянутаго выше предисловія Новгородскому изводу, а также того, что въ этомъ предисловіи трудъ изводчика названъ Софійскимъ временникомъ (Новгородская 4-ая, Софійская 1-ая), мы въ правѣ отождествить первоначальную редакцію Софійскаго временника съ памятникомъ, названнымъ нами Новгородскимъ изводомъ XIII вѣка. *Вотъ почему, начиная отсюда, мы замѣнимъ названіе „Новгородскій изводъ“ названіемъ „Софійскій временникъ XIII вѣка“.*

Воскресенская лѣтопись составлена, вѣроятно, въ первой половинѣ XVI вѣка; это можно заключить изъ того, что въ различныхъ спискахъ этой лѣтописи разказъ доходитъ до 1539, 1541 или 1560 года. Въ предѣлахъ до середины XIII столѣтія, видимъ, что въ основаніи ея лежитъ сокращеніе Софійскаго временника, однородное съ тѣмъ, которое легло въ основаніе Тверской лѣтописи. Этотъ источникъ дополненъ другимъ, а именно лѣтописью сходною по составу и языку съ Ипатьевскимъ спискомъ. Изъ этого источника частью взяты такія извѣстія, которыхъ не было въ Софійскомъ временникѣ, а частью на основаніи его замѣнены и исправлены нѣкоторыя чтенія и статьи этого временника.

Лѣтопись южнорусскихъ событій, которою пользовался составитель Воскресенской лѣтописи, была сходна, но не тождественна съ Ипатьевскимъ спискомъ: въ нѣкоторыхъ чтеніяхъ она сходилась съ Ипатьевскимъ, въ другихъ съ Хлѣбниковскимъ и Погодинскимъ списками. Такъ подъ 1166 годомъ въ Воскресенской (VII, 78), согласно съ Ипатьевскимъ (360) находимъ: „Ляха съ вои“, въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ этого нѣтъ; тамъ же: „по лѣсу“ (VII, 79), въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ „по полю“ (361), Генечевичь (VII, 75), въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ Негечевичь (354); „болѣ 5 сотъ“ (VII, 76), а въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ „болѣ 9 сотъ“ (356). Напротивъ: подъ 1164: розосла въ Воскресенской (VII, 77), Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ, а въ Ипатьевскомъ посла (358); подъ 6704 удѣлилъ въ Воскресенской (VII, 103), Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ, а въ Ипатьевскомъ учинилъ (459), подъ 1157: „маія въ 19“ въ Воскресенской (VII, 66), Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ, а въ Ипатьевскомъ „мая въ 15“ (336), скакаху въ Воскресенской (VII, 68), Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ, а въ Ипатьевскомъ скачуть (341), „то постригуся въ Печерьскомъ монастырѣ“ въ Воскресенской (VII, 79), Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ а въ Ипатьевскомъ опущено (362) и др. Въмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ Воскресенская лѣтопись отличается отъ

всѣхъ названныхъ лѣтописей, представляя особыя чтенія: такъ Архивскій списокъ Воскресенской лѣтописи подъ 1146 годамъ пишетъ Колтескъ городъ, вмѣсто чего въ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ ошибочно Полтескъ городокъ (239); подъ тѣмъ же годомъ Воскресенская восполняетъ пропускъ, однаково замѣчаемый въ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ, въ рѣчи Святослава Ольговича къ Давыдовичамъ (Воскресенская VII, 30, Ипатьевскій 236), и т. д. Считаю лишнимъ останавливаться на дальнѣйшемъ сравненіи этихъ списковъ, но замѣчу теперь же, что Воскресенская лѣтопись является немаловажнымъ источникомъ для возстановленія южнорусской лѣтописи, извѣстной намъ пока только изъ четырехъ списковъ Ипатьевского, Хлѣбниковскаго, Погодинскаго и Ермолаевскаго; при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ вставокъ, а можетъ быть и исправленій, которыя составитель Воскресенской лѣтописи могъ внести въ свои заимствованія изъ другой южнорусской лѣтописи на основаніи Софійскаго временника.

Вліяніе южнорусской лѣтописи на Воскресенскую отразилось и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Составителю Воскресенской лѣтописи, такъ же какъ составителю Никоновской, хотѣлось дополнить текстъ Софійскаго временника на основаніи другихъ источниковъ: для перваго это казалось тѣмъ болѣе необходимо, что основной источникъ его былъ короче, чѣмъ основной источникъ Никоновской лѣтописи, представляя изъ себя не полную, а лишь сокращенную редакцію Софійскаго временника. Но составитель Никоновской лѣтописи провелъ свои исправленія и дополненія гораздо систематичнѣе, чѣмъ составитель Воскресенской; послѣдній не только не внесъ въ свой оригиналъ какихъ либо дополненій въ часть до 1074 года, напримѣръ благочестивыхъ размышленій подъ 1037 годъ или сказанія о началѣ Печерскаго монастыря подъ 1051 годъ, но и въ части за 1074 годомъ ограничился неполными и несистематическими выписками: такъ подъ 1074 годъ онъ внесъ изъ своего втораго источника сказанія о Даміанѣ, Іереміи и Матееѣ, но опустилъ болѣе обширное слово объ Исакіи; подъ 1091 годомъ имъ внесенъ сокращенный разказъ о перенесеніи мощей преподобнаго Θεодосія, но опущены слѣдующія за нимъ статья о смерти Яневой и похвала Θεодосію и т. д. Разматривая текстъ этихъ и другихъ подобныхъ имъ вставокъ Воскресенской лѣтописи, мы убѣждаемся въ томъ, что источникомъ ихъ была лѣтопись близкая не къ Лаврентьевскому, а къ Ипатьевскому, Хлѣбниковскому, Погодинскому спискамъ. Такъ, напримѣръ, подъ 1074 въ Вос-

кресенской, согласно съ названными списками, читасмъ: „иниі зсліе варено, друзіи же...“ то-есть, во всѣхъ этихъ спискахъ недостаетъ слова *сыро*, восполняемаго Лаврентьевскою (въ Никоновской „друзіи же сыро“ опущено); вмѣсто „масломъ“ (ср. Лаврентьевскую и Никоновскую) въ Воскресенской, Хлѣбниковскомъ, Погодинскомъ и Ипатьевскомъ: „масломъ святымъ“; вмѣсто „еже еси обѣщаль“ (ср. Лаврентьевскую и Никоновскую) въ Воскресенской, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и Погодинскомъ: „еже ми обѣща въ ноць сію (ночь)“ . Подъ 1091 вмѣсто „и лежащъ моцми“ (Лаврентьевская, а въ Никоновской „и се лежаща моци“) въ Воскресенской, Ипатьевскомъ и другихъ: „и видѣхомъ моци лежащи“; тамъ же названъ Маринъ Юрьевскій, котораго нѣтъ въ Лаврентьевской (и Никоновской). Подъ 1091 годомъ вмѣсто „Пѣсочень и Переволука“, какъ въ Лаврентьевской (и Никоновской), въ Воскресенской согласно Ипатьевскому, Хлѣбниковскому Погодинскому: „Песочень и Прилука“. Подъ 1093 годомъ послѣ словъ „Володимеръ же побѣже и Ростиславъ“; въ Воскресенской, какъ въ Ипатьевскомъ и другихъ „и (съ нимъ) вон его“; этихъ словъ нѣтъ въ Лаврентьевской (и Никоновской). Подъ 1095 года вмѣсто „дружица Ратибора“ какъ въ Лаврентьевской, въ Воскресенской, Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ „дружица Ратиборова чада“; въ Лаврентьевской пропущены слова, читаемыя въ Воскресенской, Ипатьевскомъ и другихъ „а привель ихъ Богъ въ рущѣ твои“. Подъ 1096 годомъ въ Лаврентьевской „мая 30“, въ Воскресенской, Ипатьевскомъ и другихъ: „мая въ 31“ въ Лаврентьевской: „и помдоша по кельямъ“, въ Воскресенской, Ипатьевскомъ „и устремияшася по келіямъ“. Подъ 1103 годомъ, въ Лаврентьевской „а пѣши изъ лодей вышедъ“, въ Воскресенской, Ипатьевскомъ и другихъ: „а пѣшцы изъ лодей высѣдше“. Подъ 1102 годомъ Лаврентьевская „декабря 20“, Воскресенская, Ипатьевская „октября 20“. Равнымъ образомъ изъ списка сходнаго съ Ипатьевскимъ заимствованы въ Воскресенскую лѣтопись извѣстія о постриженіи Анны Всеволодонны поды 1086 г., о смерти Владислава Лядскаго (1102), о побѣдѣ Змиѣголы надъ Всеславичами (1106 г., ср. Хлѣбниковскій и Погодинскій) и нѣкоторыя другія.—Весьма любопытно, что южнорусская лѣтопись, бывшая въ распоряженіи составителя Воскресенской лѣтописи, въ цѣломъ рядѣ чтеній оказывается ближе къ Лаврентьевской, чѣмъ Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, Погодинскій списки. Такъ поды 1074 годомъ въ Воскресенской, какъ въ Лаврентьевской, „и примаху вцѣленье“, въ Ипатьевской „и абѣ исцѣлѣваху“, въ Воскресенской и Лаврентьевской: „лежащю ему в немощи“—въ Ипатьевской *въ бо-*

лсти, въ Воскресенской и Лаврентьевской „и присѣдяху“—въ Ипатьевской „и сѣдоша“. въ Воскресенской и Лаврентьевской „уснаше“—въ Ипатьевской „спаше“; подь 1094 годомъ въ Воскресенской и Лаврентьевской „августа 26“. въ Ипатьевскомъ „августа 16“; подь 1096 годомъ въ Воскресенской и Лаврентьевской „порядъ сотворити“—въ Ипатьевскомъ „порядъ положити“; въ Воскресенской „предъ людьми градными“, Лаврентьевской „предъ людьми градскими“, Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ „предъ горожаны“; въ Воскресенской и Лаврентьевской „игуменомъ“, въ Ипатьевской „игуменомъ и чернцемъ“. Подь 1103 г. въ Воскресенской „и дасть ихъ брашно людемъ Русскимъ“, въ Лаврентьевской „и дасть еси сихъ брашно людемъ русскимъ“, въ Ипатьевской: и „дасть есть Господь брашно ихъ намъ“. Подь 1075 годомъ: въ Воскресенской и въ Лаврентьевской: 11 Июля, въ Ипатьевской 1 Июля и т. д.

Въ виду этихъ чтеній, было бы, думаю, ошибочно предполагать, что составитель Воскресенской лѣтописи, кромѣ лѣтописи сходной съ Ипатьевской пользовался лѣтописью сходною съ Лаврентьевской: отнесшись довольно небрежно къ дополнительнымъ выпискамъ, коими онъ дополнилъ Повѣсть временныхъ лѣтъ по Софійскому временнику, врядь ли онъ сталъ бы дѣлать эти выписки или свѣрять ихъ по двумъ спискамъ. Можетъ быть, вѣроятнѣе предположить, что оригиналъ южнорусской лѣтописи, бывшей въ распоряженіи составителя Воскресенской лѣтописи, подвергся нѣкоторымъ поправкамъ на основаніи Лаврентьевскаго или сходнаго съ нимъ списка. Правда, мы находимъ какъ будто указаніе на то, что Воскресенская лѣтопись пользовалась Лаврентьевскою въ разказѣ о событіяхъ второй половины XIII и начала XIV вѣка, но можетъ быть вѣроятнѣе предположить для такихъ разказовъ и подобныхъ извѣстій общій оригиналъ, бывший источникомъ обѣихъ этихъ лѣтописей. Такъ напримѣръ, извѣстіе 1302 года о смерти Ивана Дмитріевича въ Воскресенской изложено полнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевской; то же относительно извѣстія 1303 года о смерти Данила Александровича, извѣстія 1298 о походѣ Федора Ростиславича на Смоленскъ и т. д.; слѣдовательно, они заимствованы въ Воскресенскую лѣтопись не изъ Лаврентьевскаго списка.

Что лѣтописный разказъ XII вѣка Воскресенской лѣтописи, несмотря на всю его близость къ тексту Лаврентьевскаго списка, долженъ быть возведенъ къ другому источнику и при томъ общему съ Никоновскою лѣтописью, а именно къ Софійскому временнику, доказывается довольно многочисленными примѣрами, гдѣ въ статьяхъ

сходныхъ съ Лаврентьевскою оказываются въ обѣихъ лѣтописяхъ — Воскресенской и Никоновской—такія подробности или особенности, которыхъ нѣтъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Подъ 1146 г. фразѣ Лаврентьевскаго списка: „и совокупи Всеволодъ братью свою на Радосыни“, въ Воскресенской соотвѣтствуетъ: „Всеволодъ же посла ко братія своей и повелѣ имъ готовымъ быти“, въ Никоновской „и посла къ братьи своей, веля имъ готовымъ быти“. Подъ 1151 г. вслѣдъ за разказомъ о смерти Владимира Давыдовича, читаемъ въ Воскресенской (VII, 55): „и Половечьскихъ князей много избиха, а иныхъ изниамаша“, въ Никоновской: „и бысть тамо побіено многое множество обонхъ, и Половци избіени быша“, въ Лаврентьевской (с. 317) этой фразы нѣтъ. Ниже въ Воскресенской и Никоновской „и положи и въ церкви св. Спаса“, что отсутствуетъ въ Лаврентьевской (тамъ же). Подъ 1159 г., послѣ разказа о смерти митрополита Константина, въ Воскресенской (VII, 71) и Никоновской (IX, 215) говорится о чудесныхъ знаменіяхъ небесныхъ, продолжавшихся до тѣхъ поръ, пока тѣло его не было предано землѣ: въ Лаврентьевской этого нѣтъ (с. 331). Смерть Изяслава Андреевича опредѣляется въ Воскресенской и Никоновской 28-го *сентября* 1164 года, въ Лаврентьевской 28-го *октября* 1165, а въ Ипатьевской 28-го *октября* 1164 г. Подъ 1127 годомъ въ Лаврентьевской 4-го августа (с. 283), въ Никоновской, Воскресенской (а также Радзивилловскомъ, Академическомъ) 14-го августа и др.

Итакъ, мы видимъ теперь, въ какомъ отношеніи находятся лѣтописи Никоновская, Воскресенская, Тверская и др. къ общему и основному ихъ источнику—Софійскому временнику XIII вѣка. Мы имѣемъ теперь возможность судить о составѣ этого обширнаго и важнаго памятника; мы опредѣляемъ его содержаніе по Никоновской лѣтописи, исключивъ изъ нея заимствованія изъ Хронографа и Лаврентьевскаго списка; по Тверской, исключивъ заимствованія изъ Суздальской лѣтописи; по Воскресенской, исключивъ заимствованія изъ лѣтописи Южно-русской; по Софійскимъ и Повгородской 4-ой, исключивъ и изъ нихъ тѣ поправки, которыя внесены въ первоначальный текстъ изъ другихъ источниковъ. Повторимъ теперь же нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ выводовъ и остановимся на вопросѣ объ отношеніи составителя Софійскаго временника къ его источникамъ.

Около 1250 года въ Новгородѣ составленъ обширный лѣтописный сводъ на основаніи нѣсколькихъ источниковъ. Въ основаніе свода была положена Новгородская 1-ая лѣтопись, доведенная до конца

тридцатыхъ годовъ XIII столѣтія. Она была дополнена нѣкоторыми новгородскими извѣстіями изъ другихъ источниковъ: такъ, въ разказъ 1067 года за словами „зая Новъгородъ“ Софійскій временникъ, какъ былъ названъ лѣтописный сводъ середины XIII вѣка, вставилъ слова: „до Неревского конца и пожже; и пойма все у святыя Софіи, и паникадила и колоколы, и отъиде“; вотъ почему этихъ словъ нѣтъ въ Новгородской 1-ой лѣтописи (второй редакціи), но они есть въ Никоновской, Софійской 1-ой, Воскресенской и другихъ; Софійскій временникъ могъ заимствовать ихъ изъ того же источника, изъ котораго они попали въ Новгородскую 1-ую лѣтопись первой редакціи (Синодальный списокъ), гдѣ, впрочемъ, нѣтъ словъ „до Неревского конца“. Подъ 1061 годомъ вставлено извѣстіе о поставленіи новгородскаго епископа Стефана, подъ 1030 годомъ о смерти епископа Іоакима и о Ефремѣ, иже ны учаше (ср. Никоновскую, Новгородскую 4-ую и др.), подъ 1032 годомъ о походѣ Глѣба изъ Новгорода на Желѣзныя Врата (Никоновская, Новгородская 4-ая, Софійская 1-ая и др.), подъ 1060 г. о смерти епископа Луки на Копысѣ (Никоновская, Новгородская 4-ая), подъ 1078 о поставленіи новгородскаго епископа Германа (Никоновская, Новгородская 4-ая), подъ 1095 о смерти Германа въ Кіевѣ (Никоновская, Новгородская 4-ая) и др. Изъ того же источника, что перечисленныя добавленія, заимствованы, конечно, и извѣстія 1055 и 1057 годовъ о томъ, что клеветниками епископа Луки были не только Дудика (ср. Новгородскую 1-ю), но и товарищи его Козьма и Демьянъ (Никоновская). Изъ новгородскихъ же источниковъ попало въ Софійскій временникъ извѣстіе о запрещеніи, наложенномъ на весь Новгородъ митрополитомъ Михаиломъ въ 1134 году; въ связи съ этимъ находится посольство Исаи къ митрополиту и прибытіе его въ Новгородъ (объ этомъ есть въ Новгородской 1-ой лѣтописи); въ связи съ этимъ же находится дальнѣйшій разказъ о войнѣ новгородцевъ съ суздальцами и о битвѣ на Жданѣ горѣ, при чемъ Софійскій временникъ на основаніи особаго своего источника нашелъ возможнымъ, въ числѣ убитыхъ въ этой битвѣ, назвать не только Иванка посадника и Петра Нвулича, но также еще Жирята Якунова и Даншу Якшича (Никоновская). Оттуда же взято отчество Константина посадника „Дашковъ“, а также и то, что Константинъ Нѣжатинъ, бѣжавшій къ Всеволоду Мстиславичу, былъ тысяцкимъ и по отчеству „Иванковъ“, при чемъ съ нимъ бѣжалъ Дашко Якшичь, а изъ Пскова бѣжали съ Константиномъ Жирята Дашковъ и Михаилъ Уповичъ; замѣтимъ, что Константинъ названъ тысяцкимъ и въ Лаврентьевской и тамъ же упомянутъ Жирята.

Вторымъ источникомъ Софійскаго временника XIII вѣка былъ, какъ объ этомъ неоднократно уже упомянуто, Суздальскій сводъ XIII вѣка. Сводъ этотъ былъ составленъ, во всякомъ случаѣ, послѣ 1224 года, такъ какъ въ хронологической выкладкѣ подъ 887 годомъ, попавшей изъ него въ Софійскій временникъ, упоминалась Калкская битва; вѣроятно, сводъ былъ доведенъ, такъ же какъ и Новгородская 1-ая лѣтопись, до тридцатыхъ или начала сороковыхъ годовъ XIII столѣтія (см. ниже). Изъ него составитель Софійскаго временника извлекъ недостававшія въ Новгородской 1-ой лѣтописи статьи и извѣстія на всемъ протяженіи лѣтописнаго разказа. Такъ изъ Суздальскаго свода заимствовано начало Повѣсти временныхъ лѣтъ, причемъ при словахъ „сѣздаша градъ, и шаркоша и Новъгородъ“ составитель Софійскаго временника прибавилъ: „и посадиша старѣйшину Гостомысла“ (Никоновская, Софійская 1-ая и др.). Заимствованія изъ Суздальскаго свода шли почти вплоть до 945 года, такъ какъ въ Новгородской 1-ой лѣтописи полнымъ и обстоятельнымъ статьямъ его соответствовали лишь краткія извѣстія, неполные разказы; но тѣмъ не менѣе большая часть особенностей этихъ извѣстій и разказовъ отразилась и на соответствующихъ статьяхъ въ редакціи Софійскаго временника. Такъ въ извѣстіи о дани, наложенной Олегомъ на Новгородъ, сохранено было выраженіе Новгородской 1-ой лѣтописи (попавшее въ нее изъ Начальнаго свода): „еже и нынѣ даютъ“ (Никоновская)¹⁾. Такъ подъ 912 и 913 годы вставлены извѣстія о войнахъ Игоря съ древлянами и улучичами. Подъ 945 годомъ смерть Игоря и месть Ольги были, вѣроятно, изложены въ Софійскомъ временникѣ уже согласно съ Новгородскою 1-ою лѣтописью. а послѣдняя месть Ольги, такъ же какъ весь разказъ 946 года, были изложены согласно съ Суздальскимъ сводомъ. Слѣдующія затѣмъ статьи заимствованы изъ Новгородской 1-ой лѣтописи, но въ нихъ сдѣлаиъ рядъ вставокъ изъ Суздальскаго свода: такъ подъ 970 годомъ о рожденіи Владимира въ Будутинѣ веси, подъ 978—979 г. о побѣдѣ Ярополка надъ печенѣгами (Никоновская) и о прибытіи къ нему на службу печенѣжскаго князя Ильдея (Никоновская), о по-

¹⁾ Въ послѣдующихъ редакціяхъ Новгородской 1-ой лѣтописи (Комиссіонномъ и др.), а также Софійскаго временника (Царск. сп. Софійской, Новгородская 4-ая) вмѣсто этого явилось еже не даютъ, а въ другихъ редакціяхъ Софійскаго временника подъ вліяніемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: еже даваше до смерти Ярославли.

сольствѣ отъ греческаго царя къ Ярополку (Никоновская и Воскресенская), подъ 981 о томъ, что 300 наложницъ Владимира были поселены въ Роднѣ градѣ; подъ 986 въ рѣчи, обращенной католиками къ Владимиру, при имени апостола Павла вставлено имя апостола Петра (Никоновская, Тверская); подъ 988 годоу въ разказѣ философа видимъ въ Софійскомъ временникѣ опять-таки рядъ вставокъ (ср. Никоновская), изъ которыхъ самая значительная — подробный разказъ о поставленіи царемъ Саула; въ разказѣ о крещеніи Руси первымъ митрополитомъ русскимъ названъ Михаилъ (Никоновская), а повѣствованіе о распространеніи христіанства на Руси расширено различными вставками и дополненіями; подъ 1000, 1001, 1004, 1008 гг. видимъ вставки разказовъ о различныхъ богатыряхъ Владимировыхъ; подъ 1068 годоу въ благочестивыя размышленія также сдѣланы вставки. Весь разказъ, слѣдовавшій за 1074 годоу, за словами „обѣщася монастыремъ пецися“ заимствованъ былъ Софійскимъ временникомъ изъ Суздальскаго свода, такъ какъ Новгородская 1-ая лѣтопись въ части отъ 1074 до 1117 года представляла лишь краткія и темныя по своей неполнотѣ извѣстія. Какъ замѣчено выше, извѣстія Суздальскаго свода были переданы полною и лишь въ извлеченіи, по нѣкоторымъ статьи, какъ то разказъ объ ослѣпленіи Василька и о вызванныхъ этихъ событіемъ войнахъ, переданы были довольно подробно (ср. Воскресенскую, Софійскую 1-ую и др.). Начиная съ двадцатыхъ годовъ XIII столѣтія, содержаніе Софійскаго временника становилось полнѣе и вплоть до конца онъ подробно передавалъ оба свои источника — Суздальскій сводъ и Новгородскую 1-ую лѣтопись.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что изученіе Софійскаго временника XIII вѣка приводитъ насъ къ восстановленію важнаго лѣтописнаго свода, не дошедшаго до насъ въ самостоятельномъ видѣ — свода, составленнаго въ Суздальской землѣ во второй четверти XIII столѣтія. Все то, что не можетъ быть объяснено въ Софійскомъ временникѣ, какъ заимствование изъ Новгородской 1-ой лѣтописи или изъ другаго повгородскаго источника, пошло въ него изъ Суздальскаго свода XIII вѣка. Вотъ почему мы можемъ возводить къ этому же своду всѣ тѣ статьи и извѣстія Никоновской, Тверской, Новгородской 4-ой и др. лѣтописей, которыхъ нельзя объяснить, какъ заимствования изъ рассмотрѣнныхъ выше памятниковъ — Новгородской 1-ой лѣтописи, Лаврентьевской, Суздальской до 1206 года, Южно-русской, Хронографа и т. д.

Составитель Суздальскаго свода пользовался въ своемъ трудѣ нѣсколькими источниками: между прочимъ онъ помѣстилъ въ начало своего свода Повѣсть временныхъ лѣтъ второй редакціи. Изслѣдованіе о составѣ этой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ должно ближайшимъ образомъ исходить изъ изслѣдованія о составѣ Суздальскаго свода XIII вѣка: это изслѣдованіе и опредѣленіе состава Повѣсти временныхъ лѣтъ второй редакціи составляютъ содержание II главы моей работы.

Въ заключеніе этой главы считаю не лишнимъ повторить вкратцѣ выводы, къ которымъ я пришелъ въ настоящемъ изслѣдованіи.

Въ серединѣ XIII вѣка составленъ лѣтописный сводъ „Софійскій временникъ“ на основаніи двухъ главныхъ источниковъ: Новгородской 1-ой лѣтописи второй редакціи, доведенной до конца тридцатыхъ годовъ XIII вѣка, и Суздальскаго лѣтописнаго свода, относящагося приблизительно къ тому же времени; въ текстъ, заимствованный изъ двухъ названныхъ источниковъ, вставлено нѣсколько новгородскихъ извѣстій XI и XII вѣковъ, а лѣтописный разказъ о новгородскихъ событіяхъ продолженъ до 1256 года; въ начало свода, передъ погоднымъ разказомъ, вставлено предисловіе (Икоже древле царь Римъ назвася...), а въ конецъ свода помѣщено нѣсколько повѣстей историческаго содержанія; между ними послѣднее мѣсто занимала Повѣсть о взятіи Царяграда латинами. Впослѣдствіи сводъ этотъ обособлился Сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ.

Софійскій временникъ въ скоромъ времени послужилъ основаніемъ для дополненія Новгородской 1-ой лѣтописи второй редакціи, которая заимствовала изъ него какъ лѣтописныя извѣстія третьей четверти XIII столѣтія, такъ и историческія повѣсти, помѣщенныя ею, такъ же какъ въ Софійскомъ временникѣ, въ конецъ свода. Эта редакція Новгородской 1-ой лѣтописи вызвала дополненіе и продолженіе Новгородской 1-ой лѣтописи первой редакціи (Синодальнаго списка) лѣтописными извѣстіями XIII вѣка и историческими повѣстями, вставленными въ самый текстъ продолженія. Впослѣдствіи явился такой списокъ указанной второй редакціи Новгородской 1-ой лѣтописи, въ которомъ историческія повѣсти также вошли въ составъ лѣтописнаго разказа (ср. дошедшіе до насъ списки Новгородской 1-ой лѣтописи).

Подъ влияніемъ списковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ и другихъ лѣтописныхъ сводовъ, Софійскій временникъ подвергся ряду послѣдовательныхъ измѣненій. Къ XVI вѣку сохранилось лишь немного списковъ полной редакціи Софійскаго временника, большинство пред-

ставляло лишь сокращенныя редакціи первоначальнаго извода. Особенное значеніе получила та сокращенная редакція его, которая выпустила большинство извѣстій не новгородскаго происхожденія, особенно въ разказѣ XIII вѣка. Одна изъ такихъ редакцій, возникшая не позже начала XV вѣка и доведенная, какъ и основная редакція, только до середины XIII вѣка, послужила составителю Академическаго списка Суздальской лѣтописи источникомъ для дополненія въ предѣлахъ отъ 1205 до 1238 года Суздальской лѣтописи, оканчивавшейся событіями 1205 года. Та же редакція легла въ основаніе Софійской 1-ой и Софейской лѣтописей. Сходное, но не тождественное, сокращеніе легло въ основаніе Новгородской 4-ой лѣтописи. Болѣе полное сокращеніе и притомъ одной общей редакціи легло въ основаніе Тверской и Воскресенской лѣтописей. Обѣ онѣ составлены въ первой половинѣ XVI вѣка, причемъ тверской лѣтописецъ дополнялъ свой главный источникъ на основаніи Суздальской лѣтописи, доведенной до 1206 года и весьма близкой къ Переяславской лѣтописи, а также къ Радзивиловскому и Академическому спискамъ Суздальской. Составитель Воскресенской лѣтописи дополнилъ свой главный источникъ по какому-то списку Южно-русской лѣтописи, довольно близкому къ спискамъ Ипатьевскому, Хлѣбниковскому и Погодинскому.

Въ первой же половинѣ XVI вѣка составлена Никоновская лѣтопись. Оставляя въ сторонѣ хронографъ и другіе второстепенные источники, видимъ, что главнымъ и основнымъ источникомъ ея вплоть до середины XIII вѣка былъ Софійскій временникъ, но не сокращенной и измѣненной, а полной и первоначальной редакціи. Недоставшія въ этомъ источникѣ статьи и извѣстія Повѣсти временныхъ лѣтъ вставлены были изъ Лаврентьевскаго списка Суздальской лѣтописи. Повидимому рукопись Софійскаго временника, бывшая въ распоряженіи составителя Никоновской лѣтописи, была дефектная: въ ней недоставало нѣсколькихъ листовъ, въ которыхъ были изложены событія 915 — 946 гг., между прочимъ о походѣ Игоря на грековъ, о смерти Игоря и Ольгиной мести, и помѣщенъ договоръ Игоря съ греками. Вотъ почему, вмѣсто всѣхъ этихъ извѣстій, мы находимъ въ Никоновской лѣтописи краткое сообщеніе о вокняженіи Святослава и о мести Ольги: сообщеніе это, судя по формѣ „Свѣтославъ“, попало въ Никоновскую лѣтопись изъ хронографа: связь его съ подобнымъ же краткимъ извѣстіемъ въ Софейской лѣтописи, гдѣ тоже находимъ „Свѣтославъ“, мнѣ не совсѣмъ ясна. Дополнительнымъ источникомъ Никоновской лѣтописи оказывается

Лаврентьевскій списокъ Суздальской лѣтописи: изъ него, если не ошибаюсь, заимствованы только двѣ статьи до 1074 г., затѣмъ заимствованія продолжаются вплоть до 1110 года, а послѣднею статью общемо между Никоновскою лѣтописью и Лаврентьевскимъ спискомъ оказывается запись игумена Сильвестра, помѣщенная подъ 1116 г. Доказать, что и въ предѣлахъ отъ 1111 г. до середины XIII вѣка составитель Никоновской лѣтописи пользовался Лаврентьевскимъ спискомъ, думаю, нельзя, такъ какъ списокъ Суздальскаго свода, пошедшаго въ Софійскій временникъ—главный источникъ Никоновской лѣтописи, былъ весьма близокъ по составу и языку къ тому же Лаврентьевскому списку: возможно, впрочемъ, что кое-какія поправки и дополненія и въ этой части Никоновской лѣтописи восходятъ къ ея дополнительному источнику — Лаврентьевскому списку. Такимъ образомъ оказывается, что въ Никоновской лѣтописи въ предѣлахъ до середины XIII вѣка, путемъ заимствованій изъ одного изъ главныхъ ея источниковъ—Софійскаго временника отразились между прочимъ слѣдующіе первоисточники: 1) Новгородская 1-ая лѣтопись (Начальный сводъ), 2) Суздальская лѣтопись въ Суздальскомъ сводѣ XIII вѣка, 3) Южно-русская лѣтопись, вошедшая вмѣстѣ съ Суздальскою въ составъ Суздальскаго свода XIII вѣка. Въ началѣ этой Южно-русской лѣтописи находилась та особая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ, которую мы назвали второю редакціею. Вмѣстѣ съ другими заимствованіями изъ Южно-русской лѣтописи въ Суздальскій сводъ вошла Повѣсть временныхъ лѣтъ второй редакціи. Вотъ какимъ путемъ эта вторая редакція сохранилась частью въ довольно обширныхъ отрывкахъ, частью же лишь въ сокращеніи, какъ въ Никоновской, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, восходящихъ къ Софійскому временнику XIII вѣка.

А. Шахматовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).